

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

ВОСПОМИНАНИЯ В. М. МОРОЗОВА О В. И. МАЛЫШЕВЕ

А н н о т а ц и я . Публикация посвящена истории дружеских взаимоотношений петрозаводского филолога В. М. Морозова (1910–1983) и известного археографа, создателя Древлехранилища в Пушкинском Доме В. И. Малышева (1910–1976). Познакомившись во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета в 1930-е годы, они поддерживали связи долгие десятилетия, до самой смерти В. И. Малышева. В. М. Морозов являлся участником первой археографической экспедиции В. И. Малышева в Карелию в 1940 году. В. И. Малышев не раз оказывал помощь своему другу в сложных жизненных обстоятельствах. После смерти В. И. Малышева В. М. Морозов написал воспоминания о нем. Заметки мемуарного характера о В. И. Малышеве содержатся также в письмах В. М. Морозова к друзьям и коллегам. Весь этот комплекс материалов находится сейчас в фонде В. И. Малышева в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 494). В. М. Морозов привел интересные биографические сведения о В. И. Малышеве, попытался дать оценку его личности и научной деятельности. Данные источники могут быть использованы в изучении истории российской филологической науки 1930–1970-х годов. Воспоминания были написаны для их возможной публикации, которая ранее не состоялась и предпринимается сейчас впервые. Тексты воспоминаний и дополнений к ним сопровождаются комментариями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. И. Малышев, В. М. Морозов, мемуары, письма, биография, археография, Древлехранилище Пушкинского Дома

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по теме Государственного задания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН № 0186-2019-0002. Благодарю Е. В. Морозова за разрешение опубликовать архивные материалы его отца, а также Е. Д. Конусову за указание на материалы В. М. Морозова о В. И. Малышеве в Древлехранилище Пушкинского Дома и за помощь в составлении комментариев к ним для настоящей публикации.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Воспоминания В. М. Морозова о В. И. Малышеве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 69–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.888

ВВЕДЕНИЕ

Среди известных российских ученых, внесших большой вклад в сохранение и изучение культуры Карелии, важное место принадлежит Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976) – выдающемуся российскому археографу, создателю Древлехранилища в Пушкинском Доме. В ходе археографических экспедиций в 1940, 1941 и 1946 годах в Поморье, Пудожский и Медвежьегорский районы В. И. Малышеву удалось собрать более 300 древнерусских и старообрядческих рукописей для архива Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК) (в 1954 году они были переданы в Древлехранилище ИРЛИ, где составили основу Карельского собрания рукописей) [12]. В. И. Малышев сотрудничал и с Петрозаводским (в те годы Карело-Финским) университетом, где некоторое время читал курс палеографии,

дружил с работавшими в Петрозаводске в разные годы фольклористами О. Г. Большаковой, В. Р. Дмитриченко, А. Д. Соймоновым, К. В. Чистовым, лингвистом Н. И. Богдановым, литературоведом В. М. Морозовым. С Петрозаводском связано и одно из самых душевных воспоминаний о В. И. Малышеве его ученика, впоследствии академика, А. М. Панченко:

«Помню, как в последние летние дни 1966 г., в ясный вечер, гуляли мы вдвоем по нижним, приозерным улицам Петрозаводска. Владимир Иванович любовался крепкими бревенчатыми домами с палисадниками, с фуксиями и геранями на подоконниках, с кисейными и ситцевыми занавесками, расчувствовался и сказал: “И мне о таком домике мечталось...”» [11: 269].

* * *

После смерти В. И. Малышева его ученики, сотрудники Древлехранилища Пушкинского Дома, задумали собрать воспоминания о нем

его друзей и близких ему коллег. Воспоминания о В. И. Малышеве включались в программу «Малышевских чтений», проведение которых стало регулярным с 1977 года. Так постепенно в Древлехранилище сложилась целая подборка мемуарных текстов. На первых «Малышевских чтениях» в 1977 году с воспоминаниями о В. И. Малышеве выступал В. М. Морозов – один из самых близких его друзей. Виктор Михайлович Морозов (15.01.1910–13.08.1983) родился в Петербурге «от родителей по социальному положению служащих, по происхождению – крестьян села Шуйского Вологодской губернии»¹, несколько лет в детстве прожил с сестрой отца в этом селе, с 1924 года жил в Ленинграде с отцом (мать умерла, отец женился вторично), здесь же завершил школьное образование. Интересы Морозова в молодости были связаны с пчеловодством: он окончил соответствующие курсы и несколько лет работал по этой специальности в разных местах, преимущественно в Ленинграде. В 1935–1940 годах Морозов учился на филологическом факультете Ленинградского университета: в 1935–1937 – в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), который в 1937 году вошел в состав университета, в 1940–1944 – в аспирантуре того же университета; в 1942–1944 вместе с университетом находился в эвакуации в Саратове. На фронт Виктор Михайлович не был призван, потому что в 1932 году стал инвалидом, потеряв в результате несчастного случая правую ногу. В 1944–1959 годах Морозов работал в Карело-Финском (Петрозаводском) университете на кафедре литературы, несколько лет был заведующим этой кафедрой и деканом историко-филологического факультета. По свидетельству С. М. Лойтер,

«в конце 1940-х, в трудную для гонимых ленинградских ученых пору, Виктор Михайлович пригласил работать в наш (Петрозаводский. – А. П.) университет таких выдающихся филологов, как Л. Я. Гинзбург, Н. Я. Берковский, фольклорист и мифолог Е. М. Мелетинский» [6: 31].

В 1959 году Морозов не прошел переизбрание по конкурсу, некоторое время работал в библиотеке, помышляя об отъезде из Петрозаводска. Но в 1962 году ему удалось закрепиться на кафедре литературы Карельского педагогического института, где он проработал до выхода на пенсию в 1974 году (три года в должности заведующего кафедрой). Однако и позднее Виктора Михайловича неоднократно приглашали в университет и пединститут для руководства государственной экзаменационной комиссией и чтения отдельных

лекционных курсов². А читал он в течение своей долгой преподавательской жизни много разных предметов: историю древнерусской литературы, русской литературы XVIII века и первой трети XIX века, Введение в литературоведение, Библиографию русской литературы, спецкурс по творчеству А. С. Пушкина и ряд других. Кандидатская диссертация (1961) Морозова была посвящена журналу «Финский вестник», который он изучал в контексте русской журналистики 1840-х годов. Список научных публикаций Морозова включает также несколько статей о В. Г. Белинском. В Петрозаводске Виктор Михайлович был широко известен как страстный библиофил, особенно его интересовали книги, посвященные юмору и сатире³. Человек открытый и общительный, Морозов был дружен со многими известными филологами (К. В. Чистов, Л. Я. Гинзбург, Е. М. Мелетинский, Л. А. Дмитриев и другие), с некоторыми из них состоял в переписке. Он хранил также память обо всех, с кем дружил или просто был знаком в студенческие годы, – однокурсник Морозова Н. И. Ченцов охарактеризовал его как «неутомимого и всезнающего (бывших лифлийцев)»⁴.

В студенческие годы, во время обучения в ЛИФЛИ, и началось общение В. М. Морозова и В. И. Малышева, переросшее постепенно в дружбу. В 1940 году состоялась их совместная археографическая экспедиция в Поморье по заданию КНИИК, для которого они всего за две недели приобрели 150 рукописей XV–XIX веков, несколько старопечатных книг XVI–XVII веков и 10 лубочных картинок XVIII–XIX веков [8: 149]. После войны 1941–1945 годов их встречи, как отмечал В. М. Морозов, «носили эпизодический характер». Морозов часто бывал в Ленинграде и старался навестить своего друга дома или на работе, а Малышев несколько раз приезжал в Петрозаводск. Отношения приходилось поддерживать главным образом благодаря переписке. В личном фонде Малышева в Рукописном отделе ИРЛИ хранится около 150 писем и открыток Морозова, написанных в период с июня 1945 по апрель 1976 года⁵. Ответные письма Малышева представлены гораздо меньшим числом – 15 (апрель 1953 – апрель 1976 года)⁶; очевидно, что основная их часть оказалась утрачена (см. публикацию переписки В. И. Малышева и В. М. Морозова: [13]).

В свое время А. М. Панченко развенчал миф о том, что В. И. Малышев являлся «фанатиком дела, который так горячо полюбил древнерусские рукописи и протопопу Аввакума, что махнул рукой на все остальное» [11: 269]. В. И. Ма-

лышева «с равным успехом... можно изображать и «фанатиком родства»» [11: 270] и, пожалуй, можно добавить – «фанатиком дружбы». Дело в том, что привязанность В. И. Малышева к В. М. Морозову была лишена какого-либо «корыстного» начала, поскольку последний был далек от археографии. В. М. Морозов иногда сообщал В. И. Малышеву некоторые сведения, относящиеся к рукописям, или попадавшие ему в печати заметки о протопопе Аввакуме, но все же их дружба была основана на другом. Их объединяли прежде всего студенческое прошлое, общий круг друзей и знакомых, новостями о которых они охотно обменивались, дела семейные, с приближением старости – все чаще вопросы здоровья. Разумеется, два литературоведа, выпускники блистательного филологического факультета ЛГУ не могли не обсуждать и проблемы науки, новые книги, судьбы ученых, защиты диссертаций и т. п., но этот профессиональный диалог редко уходил в чисто практическое, интересное для В. И. Малышева как собирателя рукописей русло.

Свои воспоминания, с которыми В. М. Морозов выступил на «Малышевских чтениях» 1977 года, он оформил на бумаге не сразу: окончательный текст был составлен 10 июня 1978 года. Получив воспоминания, В. П. Бударгин, заведующий Древлехранилищем после смерти В. И. Малышева, написал автору:

«За воспоминания Вам огромное спасибо. С интересом прочитал и перечитал их. Есть в них драгоценные крупинки жизни Владимира Ивановича в 30–40-е годы. Основание теперь положено, и если еще вдруг в памяти воскреснут какие-то эпизоды, то записать их будет уже проще. Думаю, что многое сможете Вы уточнить и по отношению к “Владимиру Ивановичу” Д. А. Жукова (“Новый мир”, 1978, № 7). Всякие такого рода уточнения и дополнения легко будет ввести в основной текст Вашего повествования. Возможно, что-то удастся опубликовать (есть у нас кое-какие планы на этот счет)» (письмо от 2 октября 1978 года)⁷.

О «планах на этот счет» В. М. Морозову сообщал и Л. А. Дмитриев:

«Мы все же надеемся как-то издать воспоминания о Володе <...>. По-видимому, это будет выглядеть так. Издадим вторую книгу о Древлехранилище. Первую (“Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома”, 1972) ты, наверное, знаешь. Первая часть книги будет посвящена описанию рукописей и публикации текстов, а вторая – истории создания Древлехранилища. Вот в этой 2-ой части и опубликуем материалы о Володе. Иначе, к сожалению, нельзя – теперь, чтобы издать книгу и даже статью, посвященную кому бы то ни было персонально, нужны разрешения столь высоких инстанций, что это просто невозможно» (письмо от 20 октября 1978 года).

«Вторая книга» о Древлехранилище увидела свет только в 1985 году: здесь были опубликованы размышления-воспоминания Д. С. Лихачева [5] и А. М. Панченко [11]. В третий «малышевский» сборник (1990) также был помещен мемуарный раздел [1], [15], [16]⁸, но воспоминания В. М. Морозова сюда опять не вошли и до настоящего времени оставались неизданными⁹.

Письмо В. П. Бударгина от 2 октября 1978 года подвигло В. М. Морозова на написание дополнений и уточнений к воспоминаниям. Все они были высланы В. П. Бударгину в 1978–1981 годах для возможного включения в воспоминания в случае их публикации или по крайней мере «для сведения». По просьбе В. М. Морозова воспоминания о В. И. Малышеве написали Е. Я. Ленсу и А. И. Кузьмин, они также были отсланы в Пушкинский Дом, причем воспоминания Е. Я. Ленсу – с комментариями В. М. Морозова.

Помимо воспоминаний о В. И. Малышеве и переписки с В. П. Бударгиным, в Древлехранилище до недавнего времени хранились и другие материалы В. М. Морозова, так или иначе связанные с В. И. Малышевым. Этот небольшой архив петрозаводского филолога включает письма к нему А. Х. Горфункеля (2), Л. А. Дмитриева (6), Д. А. Жукова (1), А. И. Кузьмина (1) и письма В. М. Морозова к Л. А. Дмитриеву (1) и Д. А. Жукову (1). Три письма В. И. Малышева к В. М. Морозову прислала в Древлехранилище вдова последнего С. М. Зеликина. Все эти документы долгие годы находились в Древлехранилище (без шифров), но в 2022 году были переданы в РО ИРЛИ в фонд В. И. Малышева (ф. 494).

В воспоминаниях В. М. Морозова особый интерес представляют сведения о событиях довоенных лет – о студенческих буднях В. И. Малышева и об их совместной археографической поездке в Поморье в 1940 году. Рассказ об этой экспедиции содержит интересные бытовые детали, зарисовки Петрозаводска и поморских сел, характеристику владельцев книг – старообрядцев, описание «методов» В. И. Малышева по собиранию рукописей, его успехов и неудач. В поездке из Петрозаводска до Беломорска молодые ученые ехали «с известным сказителем-сказочником Федором Николаевичем Свиныным, у него и останавливались в Сумском Посаде». Скорее всего, эта встреча не была случайной: Ф. Н. Свинына хорошо знали в КНИИК, в 1930-е годы фольклористы института записали от него более 60 сказок и произведений других жанров, в 1941 году была завершена подготовка к изданию сборника его сказок¹⁰. Вероятно, в сентябре 1940 года он приезжал в КНИИК, и его попро-

сили сопроводить собирателей рукописей и оказать им помощь. Во время археографической экспедиции 1940 года от Свиньина была получена и рукописная часть его библиотеки¹¹.

Менее подробно В. М. Морозов пишет о своем общении с В. И. Малышевым после войны. Характеризуя человеческие качества Малышева, в частности его «неизбывный гуманизм» и стремление оказывать содействие людям, порой даже малознакомым, Морозов кратко упоминает (не в основном тексте, а в примечании) ту «дружескую помощь В. Малышева», которую привелось ему испытать «в тяжелые моменты жизни (1949, 1959)».

В 1949 году, в период борьбы с «космополитизмом», В. М. Морозову, как он писал в своей автобиографии, был

«вынесен Горкомом КП(б) КФССР строгий выговор за допущение космополитических ошибок в преподавании и, главное, за непартийное поведение в период рассмотрения такого рода ошибок в работе всей кафедры литературы (Петрозаводского университета. – А. П.)»¹².

«Партийной критике» за «космополитические „идейки“» подверглись тогда и другие преподаватели этой кафедры – Е. М. Мелетинский, Л. Я. Гинзбург и Л. В. Павлов¹³.

В 1959 году закончился срок пребывания В. М. Морозова в должности старшего преподавателя кафедры литературы Петрозаводского университета, и он должен был переизбираться по конкурсу. Но неожиданно для В. М. Морозова документы на конкурс подал и другой литературовед – выпускник филологического факультета ЛГУ И. М. Губарев, которого В. М. Морозов и В. И. Малышев хорошо помнили еще со студенческих лет как человека с дурной репутацией. Не случайно в своих воспоминаниях В. М. Морозов – не без удовольствия, но без всяких пояснений – отмечает, что в повести «Паруса, изорванные в клочья» (1963) писатель А. И. Кузьмин (близкий друг Малышева по ЛГУ) дал своему отрицательному герою имя «Ваньки Губарева», в то время как «положительный по человеческим и боевым качествам матрос носит имя Володимерко Малышев». По конкурсу в 1959 году прошел И. М. Губарев: в отличие от В. М. Морозова он уже успел к этому времени защитить кандидатскую диссертацию¹⁴. В. М. Морозов остался на некоторое время без работы.

В чем заключалась «дружеская помощь» Морозову со стороны Малышева в 1949 году – неизвестно (их переписка этого времени не сохранилась). Но в 1959 году Малышев пытался увеличить шансы своего петрозаводского друга на победу в конкурсе, добиваясь получения

от видных ученых-пушкинодомцев положительных отзывов о его научной деятельности. Эти хлопоты не увенчались успехом, но, как справедливо отмечал В. М. Морозов, «во всяком случае не по вине В. Малышева».

Материалы, которые В. М. Морозов присылал частями в Древлехранилище вслед за текстом воспоминаний, содержат как небольшие дополнения к ним, так и разнообразную другую информацию: о поездке на первые «Малышевские чтения» (Морозов оформил этот рассказ как выписки из своих писем друзьям в Минске – супругам А. Я. Скир и Т. М. Луценко и однокурснице Е. Я. Ленсу), впечатления от повести Д. А. Жукова «Владимир Иванович» и от общения с ее автором, комментарии к воспоминаниям Е. Я. Ленсу о В. И. Малышеве, к воспоминаниям В. И. Малышева об академике М. Н. Тихомирове и др.

Одно дополнение к воспоминаниям дает повод вернуться к мысли А. М. Панченко о Владимире Ивановиче как о «фанатике родства» – о человеке, обладавшем «сильными семейными чувствами» [11: 269]. В 1943 году из письма А. И. Малышевой (тетки, сестры отца) В. И. Малышев узнал о гибели на фронте своего старшего брата Николая¹⁵, которого очень любил и памяти которого впоследствии посвятил книгу «Повесть о Сухане» (1956). По-видимому, он пытался после войны найти хоть какую-то информацию о пребывании своего брата на фронте. В 1964 году в журнале «Огонек» ему попалась на глаза заметка «Снимок из Дрездена»¹⁶, в которой приводились воспоминания А. С. Бондарчука, врача из Петрозаводска, о советских пленных, находившихся в 1943 году в лагере для заключенных лагеря Шморкау. Среди них А. С. Бондарчук упомянул и «врача Малышева». В. И. Малышев попросил В. М. Морозова связаться с А. С. Бондарчуком, чтобы узнать подробности о «враче Малышеве», предполагая, что этим врачом мог быть его брат Николай. В поисках была особенно заинтересована мачеха В. И. Малышева Александра Александровна, которую он нежно любил и называл мамой. К сожалению, письмо самого В. И. Малышева с этой просьбой не сохранилось. Но из писем В. М. Морозова можно понять, что В. И. Малышев и его мама надеялись на обнаружение Николая живым.

«Между нами говоря, я очень слабо верю на (*sic!*) обнаружение твоего брата: тебя-то уж он всяко мог отыскать в Л<енингра>де, а тем более сестру – ведь она жила по тому же адресу, что и до войны? Но выяснение судьбы оправдывает все возможные поиски!»¹⁷ – писал В. М. Морозов В. И. Малышеву.

Надежды, действительно, не оправдались: «врач Малышев» оказался совсем другим человеком¹⁸.

Материалы В. М. Морозова – не только его собственные письма, но и письма к нему – интересны также откликами разных людей на повесть Д. А. Жукова «Владимир Иванович», опубликованную в журнале «Новый мир» (1978. № 7. С. 173–242). В письме от 21 октября 1978 года к В. П. Бударагину В. М. Морозов писал о своем двойственном впечатлении от этого произведения. Положительно оценив сам факт обращения писателя к личности В. И. Малышева, он отметил и недостатки повести: ненужную «беллетризацию» (включение «романтической любовной истории на фронте»), художественные просчеты (««кинематографический» (по “кадрам”) стиль повествования»), ошибочную интерпретацию отдельных фактов. Весьма критически В. М. Морозов отзывался и о личности самого Жукова. Мнение Морозова, как следует из писем к нему, в целом разделяли и другие друзья и коллеги Владимира Ивановича. Наиболее мягкая оценка принадлежит А. И. Кузьмину:

«В повести Жукова имеются некоторые банальности, придуманные автором, но, слава Богу, что это произведение появилось и многие узнают о нашем дорогом друге. За то, что Жуков написал эту повесть и напечатал, нужно быть ему благодарным» (письмо к В. М. Морозову от 15 января 1979 года).

Однако остальные корреспонденты В. М. Морозова были не столь благосклонны. Одной из причин решения друзей и учеников Малышева собрать и опубликовать воспоминания

о нем было желание противопоставить «подлинного» Малышева «жуковским пошlostям» (письмо Л. А. Дмитриева В. М. Морозову от 20 октября 1978 года).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В. М. Морозов прекрасно осознавал значение В. И. Малышева для российской науки и культуры, отмечал в своих мемуарах демократизм и глубоко национальный смысл его подвижнических трудов. Собрание рукописей, как писал Морозов, это «подлинный глубокопатриотический подвиг» Малышева, «весь пафос деятельности» которого – «в преумножении именно национально-русского духовного богатства». Как участник карельской экспедиции В. И. Малышева 1940 года В. М. Морозов тоже оказался причастен к этому большому делу. В сохранении рукописного наследия Карелии есть и его вклад.

Публикуемые ниже материалы разделены на две части: 1) воспоминания В. М. Морозова; 2) дополнения к воспоминаниям в письмах к друзьям и коллегам. Воспоминания издаются в полном объеме, а письма выборочно, поскольку в некоторых из них В. М. Морозов повторял текст почти дословно либо касался вопросов, не представляющих большого интереса. Публикуемые письма воспроизводятся с некоторыми сокращениями, в основном по причинам этического характера. Тексты сопровождаются комментариями, которые обозначены римскими цифрами. Примечания, пронумерованные с помощью арабских цифр, принадлежат В. М. Морозову.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автобиография В. М. Морозова в личном листке по учету кадров (Архив Петрозаводского государственного университета, ф. 1178, оп. 4, д. 5/119 (15 декабря 1944 – 5 сентября 1959), л. 20).
- ² Так, в 1979/80 учебном году автор настоящей публикации слушал в университете в исполнении В. М. Морозова курс по истории древнерусской литературы.
- ³ Часть библиотеки В. М. Морозова после его смерти была приобретена Петрозаводским университетом.
- ⁴ Письмо Н. И. Ченцова к В. И. Малышеву от 28 мая 1967 года (РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 1305, л. 3): «Не так давно был у меня неутомимый, всезнающий (бывших лифтийцев) Виктор Морозов».
- ⁵ РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 870 и 871.
- ⁶ 11 писем находятся в личном архиве Е. В. Морозова (Петрозаводск) – сына В. М. Морозова, четыре письма находились в Древлехранилище ИРЛИ (три из них в 1986 году передала вдова В. М. Морозова С. М. Зеликина), в 2022 году переданы в РО ИРЛИ.
- ⁷ Свои воспоминания В. М. Морозов выслал также А. И. Кузьмину, который в письме к автору отозвался о них следующим образом: «Воспоминания твои о В. И. Малышеве почитал с удовольствием. Удивился, как много сохранилось в твоей памяти. Мои воспоминания – скромнее. Все, что ты пишешь, очень интересно!» (письмо от 15 января 1979 года).
- ⁸ К материалам мемуарного характера следует отнести также публикации докладов на «Малышевских чтениях» в 1980 и 1981 годах [2].
- ⁹ Остаются неопубликованными также следующие воспоминания: Борисов Н. П. Встречи с В. И. Малышевым. 1987, январь: 1) Оригинал статьи, 6 л.; 2) Машинопись статьи, 5 л.; Гунькин Г. Три поездки в Ленинград: Воспоминания о В. И. Малышеве. Машинопись с правкой, 26 л. Б. д. (в настоящее время Е. Д. Конусова готовит этот текст к публикации); Кузьмин А. И. 1) Наш Володя. Б. д. Машинопись (2-й экз.), 7 с., без окончания; 2) Страничка из воспоминаний (сокращенный вариант предыдущего текста). Б. д. Машинопись, 3 с.

- ¹⁰ Составленный в 1941 году сборник был опубликован только в 2016 году: Избранные сказки Ф. Н. Свинына / Подбор текстов, вступ. ст. и коммент. О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко; Подгот. текстов к печати, предисл., науч. ред. А. С. Лызловой. Петрозаводск: Издат-Принт, 2016. 200 с.
- ¹¹ См.: Малышев В. И. Памятники древней культуры // Ленинское знамя (газета). Петрозаводск, 24 августа 1946. № 169.
- ¹² Архив Петрозаводского государственного университета, ф. 1178, оп. 4, д. 5/119 (15 декабря 1944 – 5 сентября 1959), л. 22.
- ¹³ См.: О проявлениях космополитизма в работе кафедры литературы Университета // Ленинское знамя (газета). Петрозаводск, 23 марта 1949. № 57.
- ¹⁴ По мнению И. П. Лупановой, которая заведовала в эти годы кафедрой литературы Петрозаводского университета, в таком решении «сработала “пятая графа”». Правда, сам Морозов был русским, но женат – кошмар! – на Сарре Мироновне» [7: 197]. В своих воспоминаниях И. П. Лупанова дает резко отрицательную оценку профессиональным и человеческим качествам И. М. Губарева [7: 196–198].
- ¹⁵ См.: В. И. Малышев. Переписка (1941–1945). В поисках древних рукописей / Публикация Г. В. Маркелова // «Верили в Победу свято». Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома / Сост. Л. Г. Агамалян. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2015. С. 104.
- ¹⁶ Рудим В. Снимок из Дрездена // Огонек. 1964. № 51 (1956). 13 декабря. С. 14–15.
- ¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 494 (фонд В. И. Малышева), оп. 2, д. 870, л. 125–126 (письмо от 15 января 1965 года).
- ¹⁸ В своих воспоминаниях о войне А. С. Бондарчук указывает другую фамилию этого врача – Малыш Феодосий Васильевич (Бондарчук А. С. Записки бывшего военнопленного. Петрозаводск, 1995. С. 49).

ТЕКСТЫ

<I. Воспоминания>

Владимир Иванович Малышев (23 июля 1910 – 2 мая 1976) (Материалы к воспоминаниям)¹

В. И. Малышев, если я не ошибаюсь, поступил на исторический факультет ЛИФЛИ^{II} в 1933 году, но через год перешел на литературный факультет, существовавший раздельно с факультетом лингвистическим^I. А я поступил на тот же факультет в 1935 г. Как мы познакомились, конечно, теперь не установишь. Произошло это, очевидно, через кого-то из общих знакомых (скорее всего – через Анатолия Михайловича Кальнера^{III}). Надо думать, что еще до знакомства с В. Малышевым мне было известно его студенческое прозвище – «Аввакум», порожденное его интересом к древнерусской письменности вообще и к личности протопопа Аввакума – в частности.

Летние каникулы В. Малышев проводил в поездках-поисках древнерусских рукописей, осуществляя эти поездки на свой страх и риск, на свои студенческие средства. Возвращался он в Ленинград поздней осенью, где-нибудь в ноябре, а то и позже. К этому времени его уже отчисляли из института за неявку на занятия. Но В. Малышев привозил «мешок» рукописных книг, благодаря чему его высокие покровители – академики А. С. Орлов, В. В. Струве, Б. Д. Греков, И. И. Мещанинов, С. П. Обнорский^{IV} добивались беспрекословного восстановления В. Малышева в числе студентов. Он включается в подготовку к зимней экзаменационной сессии, которая, естественно, затягивается на второй семестр. Но летняя сессия проходит более или менее нормально. А после нее он вновь на каникулы едет за рукописями, и опять до самой поздней осени... Им подлинно владела «одна, но пламенная страсть»^V.

Ездил В. Малышев за рукописями в различные места, но в первую очередь на Север – в район р. Печоры, где встречал подчас примечательных людей, оказавшихся там отнюдь не по доброй воле. Так, например, он рассказывал о встрече с одним из героев гражданской войны – Авксентьевским^{VI}. Разумеется, о подобных встречах становилось известно от самого В. Малышева, и иногда это оборачивалось, мягко выражаясь, не в его пользу: однажды его чуть не исключили из комсомола за то, что, общаясь с двумя бывшими монахами – 80-летним и 70-летним, – он не вел с ними антирелигиозной пропаганды.

В. Малышев имел комнату в коммунальной квартире. После войны жил он тоже в коммунальной квартире (на Боровой ул<ище>). В субботу и на воскресенье ездил к сестре на Невскую заставу, являвшую собою в ту пору довольно глухую, «патриархальную» окраину Ленинграда. Сестра была для него самым близким человеком^{VII}; смерть ее (после войны) он будет очень тяжело переживать.

В. Малышев вовсе не был аскетом, как это можно было бы предположить, исходя из его научных интересов. Бывало, при посещении студенческого общежития (на пр. Добролюбова) сразу можно было узнать, нет ли тут Малышева. А разгадка в следующем: на двери каждой комнаты имелся почтовый ящик (из фанеры или картона), но у В. Малышева в «веселом» настроении была мания их снимать и складывать где-нибудь в углу коридора. Отсутствие на дверях комнат почтовых ящиков и свидетельствовало о присутствии В. Малышева в общежитии... Подобные похождения не всегда проходили бесследно – вставал вопрос и об исключении из комсомола. Но, как я недавно узнал, в таком случае А. С. Орлов – декан литературного факультета ЛИФЛИ являлся в комитет КСМ^{VIII} и решительно заявлял: «Вы не вздумайте исключать моего Малышева!»

Большим мастером был В. Малышев и на выдумки-анекдоты. Например, по-серьезному обсуждалась его версия, что их однокурсник – Миша Зеленов (личность «историческая», очень колоритная) якобы отбыл на Северный полюс. И все потому, что Миша неделю не мог «собраться» на занятия после очередного «загула».

Литературные, художественные и научные (литературоведческие и исторические) связи и знакомства В. Малышева были необычайно обширны; он обладал исключительной способностью устанавливать контакты с интересными для него людьми – писателями, художниками, учеными, деятельность которых как-либо пересекалась с его древнерусскими изысканиями. В числе необозримо многих знакомых В. Малышева можно назвать Н. Клюева, В. Шишкова, А. Чапыгина, А. Прокофьева, Л. Леонова, художника И. Билибина^{IX} (по возвращении последнего из-за границы). Летом 1945 г. В. Малышев долго ходил возле гостиницы «Астория», где остановился Андре Мазон^X: с одной стороны, велико было желание личного знакомства с выдающимся французским славистом, но, с другой стороны, встреча капитана советской армии с иностранным членом Академии наук СССР (прибывшим на ее 220-летие) могла иметь неприятные последствия.

Литературные знакомства В. Малышева делали его главным организатором встреч писателей со студентами. Не всегда они кончались мирным исходом, ибо, как известно, студенты-филологи все (или через одного!) сами поэты, а отсюда пренебрежительное отношение к профессиональным литераторам, особенно к молодым. Так, например, запомнился вечер А. Чуркина^{XI}: он читает стихи, а из зала кричат: «Хватит!» Растерявшийся поэт спрашивает: «Продолжать ли?» На это сидящий в первом ряду в качестве организатора В. Малышев спокойным голосом отвечает: «Читай дальше!» И чтение стихов продолжается, хотя во всеобщем сплошном шуме что-либо понять уже невозможно...

Кончил В. Малышев филологический факультет ЛГУ в 1939 году. Среди студентов ходили слухи, что он сдает государственные экзамены по школьным учебникам. Но это были не слухи, а реальность – об этом мне позднее рассказывал П. Н. Берков^{XII}. И никого подобный факт не смущал: к окончанию вуза В. Малышев уже представлял собою такого уникального специалиста, что все прочие его знания являлись как бы формальным «довеском». Подлинно, он сам себя сделал дипломированным специалистом. И ни у кого не могла подняться рука, чтобы лишить В. И. Малышева права на диплом о высшем образовании. Нечто подобное произойдет со сдачей кандидатского минимума.

По окончании ЛГУ В. Малышев был направлен на работу в Рукописный отдел БАН, которым руководил акад. А. С. Орлов. Но с осени того же года он участвует в войне с Финляндией. В этот же период В. Малышев побывал в Валаамском монастыре, где имелась богатая библиотека, однако все ценные рукописные книги монахи уже успели вывезти за границу.

Демобилизация В. Малышева совпала с сокращением штатов в БАНе. Как молодой специалист, принятый на работу по распределению, он не попадал под сокращение. Подлежала увольнению одинокая женщина, на руках которой был ребенок. Вместо нее «по сокращению штатов» В. Малышев уволился сам.

Когда В. Малышев остался без работы, возникла идея экспедиции в Карелию за древнерусскими рукописями. Ее реализует А. Д. Соймонов^{XIII} – зав. «едущий» сектором фольклора Карельского научно-исследовательского института культуры (КНИИК – первооснова будущего Карельского филиала Академии наук СССР)² и М. М. Михайлов^{XIV} – сотрудник того же сектора³. Идея экспедиции нашла поддержку директора КНИИК В. И. Машезерского^{4, XV}.

В экспедиции я принял участие в качестве рабочей силы. Поездка состоялась в сентябре 1940 г., в промежуток времени между сдачей мною вступительных экзаменов в аспирантуру и утверждением ВКВШ^{XVI} приема в аспирантуру⁵.

Довоенный Петрозаводск – почти сплошь деревянный город. Каменных зданий насчитывалось, вероятно, не более двух десятков (включая ампирные строения Губернского правления XVIII века). По пути с вокзала, находившегося на окраине города, в КНИИК (на ул. Пушкинской – здание погибло во время войны) был рынок, где мы закупили раков, большим любителем которых был В. Малышев, и по-деревенски съели их прямо на улице. Бросилась в глаза такая картина: калитка во двор одного из зданий бывшего Губернского правления, с указанием, что там помещается Наркомфин, висела на одной петле...

В КНИИК нас снабдили соответствующими удостоверениями, кое-какими деньгами. Из Ленинграда мы прихватили для своего пропитания чай, монпансье («ландрин»), сахар, пригодившиеся и для «обменных операций» с владельцами рукописных книг.

Из Петрозаводска на Север выехали вместе с известным сказителем-сказочником Федором Николаевичем Свиныным^{XVII}. У него и останавливались в Сумском Посаде. Почему-то ж «елезно» д «оружные» билеты нам продали только до Медвежьей Горы. Здесь В. Малышев побежал на вокзал, чтобы купить билеты до ст «анции» Сорока (г. Беломорск). Но касса была закрыта. Между тем вагон полупустой. А следующий поезд пойдет только через двое суток. Решаем ехать «зайцами», но предварительно договорившись с проводником. «Договоренность» нам обошлась примерно в стоимость билетов. Проводник поместил нас всех троих в багажнике, где хранятся постельные принадлежности; было мягко, но крайне неудобно – в согнутом положении. Ф. Н. Свинын говорил: «Едем, как кролики. Обязательно напишу сказку...» Увы, не написал⁶.

От Беломорска до Сумского Посада ехали в рабочем поезде: шло строительство линии от ст «анции» Сорока Кировской ж «елезной» д «ороги» до ст «анции» Обозерская Архангельской ж «елезной» д «ороги»⁷.

Председатель Сумпосадского сельсовета (большевик с дореволюционным партийным стажем, из бывших политических ссыльных), узнав о цели нашего приезда, когда мы явились к нему для регистрации, предложил нам выделить... милиционера, чтобы с его помощью и охраной понести борьбу с религией – «опиумом для народа». Но мы отказались от этой помощи.

К великому сожалению, за три года до нашего приезда в Сумском Посаде была уничтожена церковь, поставленная еще в 14 веке^{XVIII}. Остатки разрушенной церкви оказались на территории лагеря заключенных («Услаг» – «Услон»), куда, естественно, мы даже не делали попытки проникнуть: никто нас <не> пустил бы (а добиваться не было смысла, так как искать что-либо из рукописей через 3 года после ликвидации церкви было бесполезно). Между тем, как выяснилось впоследствии, часть церковного имущества (книги, иконы) была присвоена местными жителями. Но нам об этом никто не сказал. Я на этом останавливаюсь по следующему поводу: несколько лет назад (в 1973–74 гг.) в Сумский Посад из Ленинграда приезжали «бородатые молодые люди» и увезли до 10 ящиков с иконами и книгами. Книги были приобретены у местной жительницы, которая, как почти достоверно известно, в 1930-е годы входила в состав так называемой «двадцатки» – органа церковного самоуправления; не исключено, что и иконы были куплены у нее же (в основном за водку), а к ней попали из той же Сумпосадской церкви. Об этой операции «бородатых» я сообщил В. И. Малышеву^{XIX}, но он так и не смог узнать, кто это был из Ленинграда. Надо думать – из числа расплодившихся спекулянтов, которых так органически ненавидел В. И. Малышев.

Сумский Посад – большое поморское село. В 1940 году почти в каждой избе – своя секта или особый «толк». Разумеется, осматривал, оценивал, торговался и приобретал книги В. И. Малышев. А я только «подпевал» ему и думал при этом: если бы ко мне так приставали, то, честное слово, отдал бы последние, простите, штаны, только отвяжитесь...

Но и у В. И. Малышева не всегда это удавалось. Так, несколько раз он торговал книги у двух старух, между которыми были явно иерархические отношения, вызванные не только разностью возраста – одной лет 80, другой около 70-ти, но старшая по годам, очевидно, была «старшей» и по сектантской иерархии. По-видимому, книги не представляли большой ценности, но главное – за них просили... муку. Откуда она у нас? Мы могли предложить чай, конфеты, сахар. Но это не устраивало книговладельцев, т<ак> к<ак> одна из них ни разу в жизни не съела ни конфетки, ни кусочка сахара, а другая только в детстве съела конфету. Все это запретное, ибо искуственное. (Можно и нужно употреблять только «естественные» продукты, в данном случае – мед). Для дополнительного давления на владельца книг В. Малышев пригласил меня. Тут произошло следующее: во время разговора со старшей женщиной он попросил воды напиться. Младшая что-то долго шептала за занавеской, наконец подала ему ковш с водой; продолжая беседу, он, еще не приложившись к ковшу, сделал попытку поставить ковш на стол. Обе хозяйки резко встепенулись и запретили ставить ковш. Тогда В. Малышев выпил воду, а младшая из женщин с ярко выраженным неудовольствием почти выхватила из его рук опорожненный ковш и выбежала из избы. Можно предположить, что этот ковш был выброшен как опоганенный прикосновением «иноверца».

В 15-ти километрах от Сумского Посада находится дер. Пертозеро, но какая разница в окружающей природе! Сумский Посад расположен в тундровой части Беломорского побережья, а Пертозеро – в лесном оазисе, поразившем нас яркими красками осенней листвы. В деревне всего 6–7 изб, поставленных в один ряд на узком перешейке, разделяющем два озера. Прямо от изб начинается спуск к обоим озерам. Одно из них круглое, до 1,5 км в диаметре, другое вытянуто на 5–6 км в длину и шириной до полукилометра. По берегам озер вырыты в земле кельи, в которых в прежние времена жили местные отшельники^{XX}. Они питались лесными дарами – грибами, ягодами – и рыбой из озер. По субботам (летом на лодках) прибывали в Пертозеро, справляли всенощную службу, ночевали, а после воскресной заутрени разъезжались по своим скитам. Когда мы там были – в сентябре месяце – такая благодать в этом оазисе, что истинно – только с богом беседовать!

В эту пору проходила ликвидация хуторов, к разряду которых причислили и Пертозеро, поэтому жители деревни были переселены в Сумский Посад. Для охраны же изб и огородов остался один старик лет 70 с 6-и – 7-илетним внуком. Дед в свое время, когда ему было 17 лет, в числе других местных жителей-старообрядцев – при Александре III – ездил в Архангельск (в губернскую епархию?) для получения старообрядческих книг (в первую очередь богослужебных), которые были у него отобраны во времена Николая I (при очередном на них тогда гонении). Надо думать, что к старости наш хозяин не стал безбожником. Но он понял, что нам рукописные книги нужны, что мы явились отнюдь не для их уничтожения, и потому он с В. И. Малышевым обзавели чердаки всех домов и собрали несколько мешков книг. Дед, кстати сказать, не отказался от наших «обменных» конфет и чая (в отличие от сумпосадских бабок).

С большим трудом на подводе собранные книги вывезли в Сумский Посад, а оттуда – в Беломорск (по ж<елезной> д<ороге>). Кое-что нашли и в ближайших к Беломорску деревнях.

Строго говоря, наша поездка была первой экспедицией В. И. Малышева, т<ак> к<ак> все его предшествующие поездки носили, так сказать, индивидуальный характер. Было собрано около 150 рукописных книг XV–XIX вв., несколько старопечатных книг XVI–XVII вв. и 10 лубочных картинок XVIII–XIX вв. Отчет об экспедиции «Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска» В. И. Малышев поместил в V томе «Трудов Отдела древнерусской литературы» ИРЛИ (с. 149–155), который вышел из печати в 1947 году. Но отклики на нашу экспедицию (не без участия В. И. Малышева) появились сразу же в центральных газетах

(«Известия», «Литературная газета» и др.) и в местных. Среди них и курьезные, например, сообщение о том, что найдены старопечатные книги XIV века (хотя здесь, вероятно, просто опечатка: вместо XVI века).

К 1 октября я возвратился в Ленинград, а В. И. Малышев остался в Петрозаводске. Он не спеша и тщательно описывал как привезенные нами рукописи, так и те, что имелись в хранилищах Петрозаводска. Одновременно вел занятия по палеографии со студентами только что открытого Карело-Финского университета – по 2 часа в неделю, соответственно этой нагрузке получая зарплату. Но последнее – размеры заработка – никогда не волновали В. Малышева.

Весной 1941 года В. Малышев еще раз съездил на Карельское Поморье (Кемь – Беломорск), о чем пишет в указанном отчете.

С началом Великой Отечественной войны В. И. Малышев – в рядах действующей армии. Осенью 1941 г. он был ранен, и я его навещал в госпитале (в Академии связи, на Петроградской стороне). После излечения он опять на Ленинградском фронте.

Вновь мы встретились летом 1944 года, по возвращении ЛГУ из Саратова: я ездил к В. И. Малышеву, когда Финляндия вышла из войны, в расположение его воинской части в районе Токсово – Кавголово. Между прочим, под его началом служил бывший директор ЛИФЛИ, а перед самой войной – проректор по административно-хозяйственной части ЛГУ А. <М>. Морген^{xxi}.

С передвижением фронта за пределы Советского Союза В. И. Малышев «организовал» себе «экспедицию» вдоль нашей западной границы до южных старообрядческих поселений, оказавшихся разделенными между Молдавией и Румынией. Именно в этой поездке он нашел под Ригой список «Слова о погибели Земли Русской»^{xxii}, о котором вспоминал Д. С. Лихачев на панихиде В. И. Малышева.

В упоминавшемся выше отчете «Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска» В. Малышев эпически сообщает: «Осенью 1945 г. мне довелось быть в военной командировке в гг. Барануле, Тюмени и Тобольске» (стр. 155). В действительности все обстояло не так уж просто. Туда он попал, сопровождая ж<елезно>д<орожный> эшелон демобилизуемых фронтовиков. А оказавшись в Сибири, не мог не «захватить» в Тобольск, связанный с именем протопопа Аввакума. В. Малышев пишет, что был «в военной командировке», но, как легко догадаться, она не предусматривала обследование рукописных древлехранилищ. В это время начался ледостав, гражданских самолетов почти не было. С величайшим трудом В. Малышев оттуда выбрался, а ведь мог попасть под трибунал.

После войны наши встречи носили эпизодический характер. Несколько раз В. Малышев бывал в Петрозаводске, в т<ом> ч<исле> в 1954 году, когда приезжал за рукописным собранием Карело-Финской базы АН СССР (бывш<его> КНИИК), переданным ИРЛИ по решению Президиума Академии наук^{xxiii}.

В тот же раз В. Малышев забрал у меня в Петрозаводском (Карело-Финском) университете Евангелие царевны Софьи Алексеевны, собственноручно переписанное ею для Вас<илия> Вас<ильевича> Голицына^{xxiv}, отбывавшего при Петре I заточение на севере. В науке оно известно с 19 века^{xxv}. И тогда уже в нем сохранялось только 3 миниатюры евангелистов (из положенных 4-х). Перед Великой Отечественной войной Евангелие находилось в Петрозаводске. Оккупанты его вывозили в Финляндию. А при возвращении советского имущества из Финляндии Евангелие поступило в Карело-Финский университет, и я его демонстрировал студентам на занятиях по древнерусской литературе. А когда В. Малышев приехал за рукописями Карело-Финской базы АН СССР, я, как сказано выше, отдал ему это Евангелие.

Некоторое время назад в газете «Советская культура» появилась заметка, в которой сообщалось, что Евангелие Софьи Алексеевны реставрировано ленинградскими специалистами, а то, дескать, оно не имело даже переплета. Это такая несусветная выдумка, что я вынужден был о ней написать Л. А. Дмитриеву^{xxvi}! Достаточно сказать, что если бы не было переплета, то книга вообще не существовала бы, т. е. она распалась бы на отдельные листы. (Другое дело, что не было оклада на книге, как об этом справедливо пишет Т. Г. Лазарева)⁸.

В сентябре 1971 г. я на несколько дней останавливался у В. Малышева. Тогда мы с ним побывали на выставках самоваров и дореволюционных вывесок. У него болело сердце, но интерес к этой своеобразной старине заставил его, преодолевая недомогание, подняться на верхний этаж Русского музея, где были развернуты указанные выставки. По пути в музей из газет узнали о смерти А. Д. Чуркина, с которым, как я отмечал выше, В. Малышев был довольно близок в прошлом.

В последние годы жизни В. Малышева редкий месяц, а подчас и неделя проходили без того, чтобы не появлялось его имя в печати: то его очередное «письмо в редакцию», то отклики на подобные «письма», то просто упоминание его имени – в «Литературной газете», «Литературной России», «Известиях», «Ленинградской правде», журнале «Человек и закон» и многих других, в том числе местных газетах, журналах, в книгах (не говоря уже об изданиях ИРЛИ – «Труды Отдела древнерусской литературы», «Русская литература»...).

Иногда эти сообщения имели весьма своеобразный характер. Таков, например, отчет о 25-летию Древлехранилища, созданного в ИРЛИ В. Малышевым. Из-за болезни он не мог присутствовать на заседании, посвященном юбилею, участники которого приняли «приветственное письмо В. И. Малышеву»⁹ как какому-то... партийно-государственному руководителю.

Но еще более примечательны «Записки из археографических экспедиций» Н. <Н.>Покровского^{xvii} – «Книга глаголемая». Рассказывая о плане археографического обследования Сибири, автор сообщает, что план

«встретил поддержку президента Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьева и главы новосибирских историков А. П. Окладникова^{xxviii}». В приведенной цитате, как видим, расшифровывается, кто такие академики М. А. Лаврентьев и А. П. Окладников, которых могут и не знать малосведущие читатели молодежного журнала «Знание – сила». Но тем же читателям уж вовсе непозволительно не знать «самого»... В. И. Малышева. Н. <Н.> Покровский продолжает: «В 1965 году из Академгородка <...> в таежные поселки Сибири ушли группы археографов Е. И. Скоп и Е. К. Ромодановская^{xxix}, прошедших первоклассную школу под руководством самого Владимира Ивановича Малышева»¹⁰. А кто такой Малышев? Даже не поясняется, достаточно того, что он есть «сам»!

И не только как личность В. И. Малышев стал объектом статей, очерков, повестей, но и самое его имя, отделившись от своего носителя, вошло в художественную литературу. Так, вероятно, мало кому известно, что в исторической повести доктора филологических наук А. И. Кузьмина^{xxx} «Паруса, изорванные в клочья» (1963), посвященной героическому походу русской эскадры вокруг Европы и знаменитому Чесменскому бою (1770), положительный по человеческим и боевым качествам матрос носит имя Володимерко Малышев. Он противопоставлен Ваньке Губареву^{xxxi} – трусу, льстецу и доносчику, которого за воровство вешают на рее.

Я уже говорил выше, что В. Малышев был вполне земной человек: он совершенно реально мыслил и очень правильно оценивал людей, с которыми приводилось сталкиваться. Будучи сам от природы необычайно простым, в полном смысле демократом (это определение в применении к В. Малышеву звучит даже как-то слишком выпяченно), он был естественен в общении с кем бы то ни было – от уборщицы до президента Академии наук. И потому ужасно презирал часто встречающихся среди «ученых» двуличных людей – карьеристов, чинопочитателей, подхалимов. Но ему был присущ какой-то неизбывный гуманизм, в силу которого он продолжал помогать (устраивать на работу, продвигать в печать и т. п.) тем людям, которые к тому времени уже отплатили ему за его добро неблагодарностью, и он об этой их неблагодарности знал, а все-таки помогал. Заинтересованность в судьбе людей, часто даже малознакомых (а то и вовсе незнакомых) заставляла его принимать все меры для оказания помощи. В тяжелые времена борьбы с так называемым «космополитизмом» (1949) сколько раз он писал: «Надо (того-то) устроить на работу!» – «Но, Володя, нет ставки!» – «Все равно, надо устроить!» И так как у него была масса знакомых по всему необъятному Советскому Союзу, то его ходатайства часто увенчивались успехом. А если эти усилия терпели неудачу, то уж во всяком случае не по вине В. Малышева¹¹.

На защите докторской диссертации В. И. Малышева (19<68>) акад. М. П. Алексеев^{xxxii} говорил о нем как о типично русском человеке и ученом. Это же я хочу здесь повторить и пояснить. В. И. Малышев совершил подлинный глубокопатриотический подвиг всей своей жизнью, без оглядки отданной собиранию (и тем самым раскрытию) духовных богатств русского народа: он сделал объектами научных исследований тысячи ранее неизвестных рукописных памятников (списков), среди коих некоторые не были вообще известны или были известны лишь в других редакциях. Он их собрал не только в Древлехранилище ИРЛИ, достойном носить имя В. И. Малышева! Но и в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (где он работал после Великой Отечественной войны до перехода в ИРЛИ); там окно его кабинета до самого закрытия библиотеки ежедневно светилось на углу Невского пр<оспекта> и Садовой ул<ицы>. О его роли в формировании рукописной коллекции Библиотеки АН СССР есть специальные работы¹². Он способствовал созданию или расширению и пополнению рукописных и старопечатных собраний Ленинградского университета, Сибирского отделения АН СССР¹³ и разных других научных и просветительских центров. Это громадной важности культурное завоевание – результат собирательской деятельности самого В. И. Малышева и его многочисленных учеников и последователей, равно как его же посредничества в приобретении частных коллекций государственными хранилищами.

И все это становится нашим национальным достоянием! Весь пафос деятельности В. И. Малышева в преумножении именно национально-русского духовного богатства. И вот здесь проявился его человеческий русско-национальный характер – характер, чуждый национализма и шовинизма! Именно поэтому его друзья не только русские, но и татары, карелы, вепсы, евреи, белорусы, грузины, коми, украинцы и многие-многие другие – без каких-либо национальных исключений.

Я думаю, что эти подлинно национальные качества русского человека, чуждого национальной ограниченности, но наделенного чувством интернационального гуманизма, есть определяющая черта Владимира Ивановича Малышева – человека; черта, которую – я хочу надеяться – он передал и своим последователям и преемникам на научном поприще!

10 июня 1978. В. Морозов (г. Петрозаводск).

**<Примечания В. М. Морозова к тексту «Воспоминаний»,
в оригинале размещены постранично>**

¹ В 1938 г. (?) эти факультеты будут слиты в единый – филологический факультет, который войдет в состав ЛГУ, после чего ЛИФЛИ прекратит свое существование.

² До того решением Ленинградского обкома РКП(б) А. Д. Соймонов был снят с учебы на стационаре ЛГУ и направлен на работу в КНИИК (в Петрозаводск).

³ М. М. Михайлов окончил ЛГУ в 1940 году, но был связан с Карелией (стараниями М. К. Азадовского^{xxxiii}) еще раньше, поэтому на работу был распределен в КНИИК. М. М. Михайлов погиб во время войны под Петрозаводском.

⁴ Впоследствии В. И. Машезерский – заслуженный деятель науки РСФСР; скончался 75-и лет, через год после В. И. Малышева.

⁵ Об этом должен был сообщить мне в Петрозаводск Н. В. Новиков^{xxxiv}, также поступивший в аспирантуру. В заочную аспирантуру поступал М. М. Михайлов.

⁶ Позднее привелось встретиться с Ф. Н. Свиныным только единожды – в 1946 году на совещании в Союзе писателей Карелии.

⁷ Эта линия сыграла очень важную роль в годы Великой Отечественной войны: по ней перевозили войска, снаряжение, по ней шли грузы, поступающие от союзников в Мурманск.

⁸ Т. Лазарева. Строки, перешагнувшие века. – В сб.: «По одной истории на 50 блокнотов». Л., 1973. С. 260–261.

⁹ Русская литература, 1975, № 3, С. 252.

¹⁰ Знание – сила, 1973, № 3, с. 37.

¹¹ Дружескую помощь В. Малышева привелось и мне испытать в тяжелые моменты жизни (1949, 1959).

¹² См.: М. В. Кукушкина. Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева. Сб. Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., «Наука», 1972, с. 401–405.

¹³ См., например: В. И. Малышев. Об одном важном источнике Тихонравовского собрания (страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XXXII, Текстология и поэтика русской литературы XI–XVII веков. Л., «Наука», 1977, стр. 395–401.

<II. Дополнения к воспоминаниям В. М. Морозова в его письмах к друзьям и коллегам>

<1. Воспоминания о поездке на «Малышевские чтения» в апреле 1977 года>^{xxxv}

Из моих писем о поездке в Л<енингра>д в конце апреля 1977 на «Чтения памяти В. И. Малышева» (1-я годовщина смерти)

Из письма к А. <Я. >Скиру <и> Т. <М. >Луценко^{xxxvi} от 8 мая 1977 г.

Не писал к 1 мая потому, что собирался в Минск.

«А тут пришло приглашение из ИРЛИ принять участие в “Чтениях памяти В. И. Малышева” с воспоминаниями о нем, назначенных на 25 апр<еля>^{xxxvii} (хотя он умер 2 мая – но это дата не для поминок; хотя ленинградцы собирались побывать в этот день на могиле). Выехал я в Л<енингра>д 22-го, предполагая числа 27–28-го доехать до Минска. <...> Пробыл в Л<енингра>де до 30 апр<еля> и 1 мая вернулся в П<етрозавод>ск. Очень намаял культю^{xxxviii}. <...>

В ИРЛИ я выступил (на ½ часа, не зная, что по регламенту дается 10 минут), по-видимому, неплохо. Сужу об этом не только по отзывам некоторых из присутствующих (в т<ом> ч<исле> Лени Гумницкого), но и потому, что против меня выступил чл.-корр. АН В. Г. Базанов^{xxxix} (у нас старая дружба с 1949 года – со времен т<ак> наз<ываемого> космополитизма!). Ему не понравилось, что я сказал о Малышеве, а именно, что он, так много сделавший для расширения наших представлений о кругозоре духовных интересов древних русских людей, был лишен к<аких>-либо элементов национализма. Поэтому его друзьями были не только русские, но и евреи, карелы, финны, татары, белорусы, коми и др<угие>! И я хотел бы, чтобы преемники В<ладимира> И<вановича> М<алыше>ва на научном поприще продолжали и развивали эти его человеческие качества, которые характеризуют его истинно-русский национальный характер! – Примерно так я закончил. И это не понравилось В. Г. Базанову, заявившему: “Национализм не грозит советской интеллигенции...” (Но, повторяю, это отголосок событий 1949 г., когда из-за него меня собирались исключить из партии. Кстати, по иронии судьбы – не только у меня, но и у него жена – еврейка. <...>).

Леня Гумницкий был на моем выступлении, а потом еще часа два бродили по городу (мимо общежития) <...>».

Из письма к Леле Ленсу^{xl} от 8 (же!) мая 1977 г.

Посылаю тебе программу «Чтений». Д. С. Лихачева не было (он приехал дня через 2–3 с курорта), а с воспоминаниями не выступили М. <И.> Малова, Г. <Н.> Моисеева, И. Н. Заволоко^{xli} – глава прибалтийских старообрядцев; он подарил ИРЛИ подлинную рукопись протоп<опа> Аввакума, изданную фототипически в конце 1975 г.^{xlii} <...> Зато вместо отсутствующих «воспоминателей» выступили <В. Г.>Базанов и А. И. Копанев^{xliii} – историк. Возможно, его знают Скиры по общежитию: он жил некот<орое> время в одной комнате с <Н. И.>Ченцовым^{xliiv} и занимался монастырским землевладением (что нам тогда казалось чуть ли не бредом каким-то; а теперь он доктор и возглавляет Ленинг<радское> отд<еление> археографической комиссии АН).

Между прочим он говорил (и не только он), что о М<алыше>ве создавались разные легенды. И вот пример. Один видный ленингр<адский> писатель спрашивал его: верно ли, что над могилой В<ладимира>

Ив<ановича> в момент похорон пролетела стая лебедей? Вот какие слухи! А ему – Копаневу – из зала дружно возражают: так ведь летел косяк – не лебедей, а журавлей. Пикантность в том, что Копанев сам был на кладбище и не видел. (Кстати, Сарра^{XLV} тоже разговаривала в тот момент и не видела журавлей). <...>

Позднее я узнал, что имя Малышева не дали Древлехранилищу, хотя ходатайство ИРЛИ поддержали и Отд<еление> лит<ературы> и яз<ыка>, и Президиум АН, но в Верх<овном> Совете (РСФСР?) задержали: есть какое-то постановление, по которому «присваивать» имя можно только через 5 лет после смерти (а другим – при жизни?!)

В выступлении А. М. Панченко было интересно два момента: что В. И. интересовали не просто (и не столько) рукописи, но самый процесс общения с людьми – любителями и владельцами этих рукописей^{XLVI}. И второе: говоря об общественной активности В. М<алыше>ва, кот<орый> добился того, что на месте несуществующего города Пустозерска, на том месте поставлен знак-столб с соответствующим обозначением, Панченко сказал, что одно советское судно названо «Пустозерск», и добавил: «Мы, конечно, понимаем, что В. И. хотел видеть другое название, но он ведь был реалистически мыслящим человеком...»^{XLVII}

Писал ли я раньше, что м<еся>ца 2 (3?) назад получил письмо от Дм. Жукова^{XLVIII} <...> с просьбой сообщить какие-либо сведения о Малышеве, м<ожет> б<ыть> «анекдотического» хар<акте>ра, особенно периода войны? <...> Словом, я жался-мялся и все-таки скупно, но Жукову написал^{XLIX}. Адресовал в Дом творчества в Комарово. А т<ак> к<ак> прошло недели две, не уверен был, что застало ли его там мое письмо. С этим незнанием приезжаю в Л<енингра>д, спрашиваю: «Здесь ли Жуков?» – Здесь! Обрисовали его, а я, оказывается, уже заприметил его и даже перекинулся неск<олькими> фразами у книжного киоска и на выставке новых рукописей в Древлехранилище. Как его справедливо обрисовали, очень похож на Михалкова^L – рослый, видный, напористый, ухоженный. И сообщили: он говорил, что получил от меня письмо. Т<ак> к<ак> нас никто не представлял, то ясно, что меня он не мог узнать. Но после-то моего выступления мог подойти и как-то отреагировать на мое письмо.

А когда шло «воспоминательное» заседание, Жуков подсел в президиум, о чем-то говорил с В. Бударагиным^{LI} (он ведаёт теперь Древлехранилищем); затем сел на свое место. Председательствовавшая Демкова^{LII} тоже поделилась воспоминаниями о В. И. – и закрыла заседание. Тогда Жуков к ней: почему ему не дали слово? – «А Вы у меня не просили!» – «Но я говорил Бударагину». – «А он мне ничего не сказал. Разговаривайте с ним».

После этого был показан кинофильм – капустник под названием «Дамочки и протопоп». Протопоп – это Малышев, а «дамочки» – это пр<ежде> всего ИРЛИйские женщины, но там и мужчины фигурировали. Все хохотали, а я ничего не усмотрел смешного, т<ак> к<ак> не знаю «действ<ующих> лиц». Лента всего на 7–10 мин<ут>.

И в конце вновь Жуков к Демковой и Бударагину с претензией. А его поддержала (агрессивно) Мария (Ивановна?) Привалова^{LIII}, училась младше нас на 1–2 курса. <...> Почему Жукову не дали слово, могу только догадываться.

Когда вышла в свет книга «Рус<ские> писатели 17 века» (с «Аввакумом» Жукова)^{LIV}, я пытался ее достать через Володю. А он в обиду на Жукова: второй автор (о Сим<еоне> Полоцком) прислал Володе книгу, а Жуков – нет. Но я почувствовал, что тут что-то и по существу кроется, а не только то, что не прислана книга – пришлет же, надо думать. (А в самой книге Жуков благодарит В<ладимира> Ив<ановича>). Но как-то разговор ушел в сторону, и я не вызнал причину недовольства Володи Жуковым.

Пояснил ее мне уже после заседания («Чтений») в ИРЛИ В. Бударагин (через два дня). Когда Жуков собрался писать об Аввакуме и приехал с женой в Лен<ингра>д, то В<олодя> поселил их у себя в квартире. К тому времени умерла его мать, и была свободна вторая комната. И вот в отсутствие В<оло>ди они навели там порядок: выбросили крупу и еще что-то, что оставалось после матери. Намерения, впрочем, хорошие, но надо же спросить хозяина!? В<олодя> так был возмущен бесцеремонностью Жуковых, что тут же их выгнал из квартиры^{LV}. И вот с этого эпизода Жуков начинает свою «повесть», очевидно, представляя Володю таким «чудаком»: ему делают добро, а он выгоняет из квартиры. И описывается этот эпизод с целью некоей попытки реабилитировать себя, ибо об этом столкновении многие знают (а я не знал). Но больше всего в ИРЛИ боятся, как бы Жуков не сделал из В<олоди> такого замшелого славянофила. <...> А как-никак ИРЛИ – душеприказчик Малышева.

И вот к середине мая должен возвратиться из Болгарии Панченко и в Москве забрать рукопись Жукова (ему нужна рецензия на рукопись для издательства) и проверить, что там написано.

Из перспективы, что В. И. у Жукова будет «славянофилом», легко догадаться, что если бы он выступил (после меня) с воспоминаниями о В<оло>де, чего ему не дали сделать, то он, конечно, «поддал» бы мне, если мое выступление вызвало неодобрение Базанова <...>. По той же причине, надо думать, Жуков не подошел ко мне с целью познакомиться после моего выступления. Правда, он был увлечен переживаниями по поводу того, что ему не предоставили слово^{LVI}.

Жукову нынче 50 лет, и ему предоставлена возможность издать сборник работ, в кот<орый> войдут работа об Аввакуме и «повесть» о Малышеве. А издат<ельств>во («Молодая гвардия») уже придумало название книги – «Несгибаемые»^{LVII} (что-то уж очень претенциозное для В<ладимира> Ив<ановича>). <...>

В ИРЛИ к «Чтениям» была организована выставка, посвященная В<оло>де. Небольшая, но с любовью, интересная. В частности, я узнал: к 60-летию В<оло>ди «выбили» медаль (из мягкого металла!), а в ж<урнале>

«Художник» (№ 3 за этот год) воспроизведен живописный портрет В<оло>ди работы худ<ожника> Козлова^{LVIII} (кажется, из Вологды). <...>

P.S. Некоторые комментарии к посылаемому буклету «Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома» (кстати, составленному В. Малышевым)^{LIX}:

1. Рис<унок> Аввакума^{LX} считается первой карикатурой на Руси – против Вселенских патриархов, кот<орые> «судили» протопопа.

2. Евангелие, переписанное царевной Софьей. Она его отправила своему фактич<ескому> мужу Вас<илию> Вас<ильевичу> Голицыну, кот<орого> Петр I заточил то ли в Каргополь, то ли в Сумский посад. В Евангелии было, естественно, 4 «лица» 4-х евангелистов, но уже до революции один (одно «лицо») пропал. А в науке это Евангелие известно уже с 19 века. Перед Вел<икой> Отеч<ественной> войной оно было в Петрозаводске – в госуд<арственном> музее (?) КФССР. Во время войны оккупанты вывезли его в Финляндию (в ряду, разумеется, других книг). Кстати, в том университетском доме, в котором я все время живу^{LXI}, у финнов была своего рода книжная палата: сюда свозили все книги с оккупированной Карелии, сортировали и отправляли в Финляндию. А когда по условиям мирного договора возвращали сов<етское> имущество обратно, то Евангелие попало в университет. И я лет 7 хранил его в кабинете кафедры, демонстрируя студентам (по курсу др<евне>рус<ской> л<итерату>ры). В 1954 году В. Малышев приехал в П<етрозаводск> забирать все др<евне>рус<ские> рукописи из К<арело>-Ф<инского> филиала АН (по решению Президиума АН), я отдал ему и Евангелие Софьи Алексеевны (под расписку!). Оно было в деревянном переплете, но, конечно, без оклада. А теперь его реставрировали весьма прилично (в мастерской Библиотеки АН – в БАНе)^{LXII}.

<2. Письма В. М. Морозова к В. П. Бударгину>^{LXIII}

21. X. <19>78 г.

Дорогой Владимир Павлович! <...>

Посланная рукопись, Владимир Павлович, – материал для любого использования (хотя и пытался ей придать «христианский» вид!^{LXIV} Ниже укажу некоторые моменты, которые уже необходимо добавить в рукопись.

Теперь о повести Дм. Жукова (ее прочла мне жена – уж очень мелкий шрифт!) Надеюсь, он прислал в Древлехранилище экземпляр «Нового мира»?!

Имеются ли рецензии на «повесть»: в «Комс<омольской> правде» (10 авг<уста> <19>78 <г.>)^{LXV}, «Лит<ературной> России (5 сент<ября> <19>78 <г.>, № 37, стр. 15)^{LXVI} и «Литер<атурной> газете (11 окт<ября>, № 41, стр. 4)^{LXVII}? У меня только по одному экз<емпля>ру, и потому послать не могу. <...>

Да, что слышно с отдельным изданием повести Жукова (т. е. в виде книжки?). Если что узнаете, сообщите!

Итак, о «повести». Мое впечатление двойственное. С одной стороны, заслуживает искренней благодарности самый факт создания ее! Теперь всякий интересующийся Вл<адимиром> Ив<анович>ем должен будет обращаться к ней! (И кстати сказать, люди «посторонние» отзываются о «повести» и о ее «герое» с большим восхищением!) Хорош портрет А. С. Орлова. Не думаю, что это из рассказов Вл<адимира> Ив<анович>а. (Может быть, от М. И. Приваловой и других?).

С другой стороны, раздражает «беллетризация» (правда, без которой не было бы оправдания жанру «повести») – совершенно не в духе Вл<адимира> Ив<анович>а рассказ о романтической любовной истории на фронте (хотя самый факт и мог быть – чего в жизни не бывает!) Раздражает и «кинематографический» (по «кадрам») стиль повествования. Но это теперь весьма модно. (А т<ак> к<ак> Жуков все-таки не художник, то и не удивительно его подражание моде). Глупо об А. Мазоне (он его не знает и явно не понимает, за что же Мазон удостоился избрания в нашу Академию).

Вы мне рассказывали о конфликте Вл<адимира> Ив<анович>а с Жуковым (и его женой) из-за крупы, оставшейся после смерти мамы. И Вы были правы, говоря, что Жуков использует этот конфликт (т. е. так трактует его), чтобы оправдать себя (и жену), а Вл<адимира> Ив<анович>а представить неким чудачком, который не понимает доброе делаемое ему. Представьте себе, он этого добился: М. М. Гин^{LXVIII}, который и любит, и уважает Вл<адимира> Ив<анович>а, обратил на данный эпизод особое внимание и говорил мне: «а все-таки у Володи были “чудинки”». Вероятно, я по натуре консерватор, но я целиком на стороне Вл<адимира> Ив<анович>а!

В «повести» есть один существенный недостаток, который, увы!, присущ всем знавшим о близости Вл<адимира> Ив<анович>а к А. С. Орлову. А именно: все убеждены, что научным знанием нашей древней литературы Вл<адимир> Ив<анович> обязан целиком и полностью А. С. Орлову. Но это далеко не так (и об этом я, возможно, уже писал Вам раньше). Дело в том, что текстологию древней литературы Вл<адимир> Ив<анович> изучал у М. Н. Яковлева^{LXIX}. И изучал он вместе с Еленой Яковлевной Ленсу – зав<едующей> кафедрой литературы Минского педагогического института. (У них в ин<ститу>те было одно из заседаний вашей «бригады», когда вы были в Минске). Правда, Елена Яковлевна недолго занималась у Михаила Николаевича и сбежала. Но они – только двое – занимались на квартире Яковлева (жена которого их подкармливала пирожками – а это было так здорово в голодные 30-е годы). Я уже не один раз просил Ел<ену> Як<овлевну> записать и послать Вам небольшие по объему, но важные фактами воспоминания об этих занятиях с М. Н. Яковлевым. Может быть, стоит Вам самому написать ей такую просьбу? Вот ее адрес: <...> Об этих их занятиях я узнал от нее недавно. Кстати замечу, что Ел<ена> Як<овлевна> – моя однокурсница и, стало быть, была на курсе младше Вл<адимир>а Ив<анович>а. <...>

18. X. <19>80.

Дорогой Вл<адими>р Павлович!

<...> Наконец-то могу послать воспоминания Ел<ены> Як<овлевны> Ленсу^{LXX}. Но предварительно попытаюсь их перепечатать (благо они краткие). А Вы отыскали воспоминания А. И. Кузьмина? С фактографической точки зрения они интереснее. Я не имею их полного текста, т<ак> к<ак> А<лександр> Ив<анович> прислал мне только 7 стр<ани>ц, без конца. Но он же прислал 1 стр<ани>цу рукописную, которая раскрывает такую черту Вл<адимира> Ив<анович>а, очень для него характерную: розыгрыши других лиц, создание «слухов» о них (напр<имер>, я тоже пишу: Мих. Зеленов якобы «улетел» на Сев<ерный> полюс).

Да, А<лександр> Ив<анович> пишет о стихотв<орении> в стенгазете ЛИФЛИ (или уже филфака ЛГУ?), в котором повествуется о похождениях А<лександра> Ив<анович>а и Вл<адимира> Ив<анович>а^{LXXI}. В мае 1979 года я был у М. С. Лев, говорили о Вл<адимире> Ив<ановиче>. Представьте себе, и сама Мар<ия> Сем<еновна> и ее сестра Сарра Сем<еновна> Лашанская^{LXXII} (особенно последняя) помнят это «поносное» стихотв<орени>е наизусть! (Я не помню).

Воспоминания Е. Я. Ленсу очень краткие, но мне представляется, что они весьма важны с определенной точки зрения (и это необходимо отметить при их использовании). Не исключено, что я Вам об этом уже писал.

Так чем же интересны сообщаемые Е. Я. Ленсу сведения о совместных с Вл<адимиром> Ив<ановичем> ее занятиях в семинаре М. Н. Яковлева? Конечно, не «слоеными пирожками», которыми «семинаристов» потчевала жена М. Н. (хотя и это важно для голодных в Л<енингра>де 30-х годов). Существенен самый факт обучения В<ладимира> Ив<анович>а у Яковлева. Надо помнить (знать), что М. Н. Яковлев, будучи профессором, являлся «ассистентом» при акад<еми>ке А. С. Орлове. Но в научном отношении они во многом расходились, отнюдь не были «единомышленниками» (об этих расхождениях В<ладимир> Ив<анович> не мог не знать, т<ак> к<ак> А. С. Орлов – при его экспансивном характере, при его невоздержанной ехидности в отношении инакомыслящих – не мог не язвить по поводу каких-либо суждений М. Н. Яковлева (с последним я не был знаком и потому не могу судить о его «характере»).

В порядке отступления. Одно время (1–2 года) в 30-е годы экзаменатор мог принимать экзамен по своему курсу обязательно с «ассистентом». Таким при Орлове был Яковлев, с которым академик, конечно, не считался: он ставил в зачетке «отлично» и затем, показывая Яковлеву, говорил: «Я думаю, Мих<аил> Никол<аевич>, достаточно?!» Это не «легенда», а факт.

Или вот еще факт. На нашем (моем и Е. Я. Ленсу) курсе учился Ваня Чикаревский (я с ним начинал на подготовит<ельных> курсах в ЛИФЛИ). Первые 2 года я учился на немецком цикле и одновременно работал (при этом получал стипендию). После раб<от>ы приезжаю в институт, чтобы узнать, как сдали русисты др<евне>рус<скую> л<итерату>ру. В коридоре II этажа сидит Чикаревский (уже «навеселе»): «Ну, Ваня, как сдал?» – «Вот только академик и смог оценить!» И это была единственная пятерка у него за все 5 лет обучения. (Но следует сказать, что за время учения, к окончанию филфака Чикаревский очень вырос и заслуженно получал «хорошо»). За что же он получил «пятерку»? Он отвечал об апокрифах, но почему-то их называл «апокрифы». То ли не разобрался в чужих конспектах, то ли в собственном не мог отличить «п» от «к». «Ассистент» возмущается этой неграмотностью, зато академик расплывается: «Вы послушайте, Мих<аил> Ник<олаевич>, язык-то какой, язык-то какой, чисто русский! Ну давайте Вашу зачетку» – и 5! <...>

Все знавшие (да и не знавшие) В. И. М<алыше>ва считали (и справедливо), что он ученик ак<адемика> Орлова. Но вот воспоминания Е. Я. Ленсу свидетельствуют, что свои познания др<евне>рус<ской> письменности он искал и черпал, где только можно было, независимо от личности, носящей эти знания (Орлов ли, Яковлев ли)! Иначе говоря, им руководили стремления к познанию «истины» – др<евне>рус<ской> л<итерату>ры. Вот в этом и значительность крайне кратких воспоминаний Е. Я. Ленсу.

Вл<адимир> Павл<ович>, что-то подобное, мне кажется, надо предпослать этим воспоминаниям, если используете их.

Несколько слов о самой Е<лене> Як<овлевне> (сверх того, что сообщает она). Во-первых, не так давно я узнал от Лидии Яковл<евны> Гинзбург^{LXXIII} (лично она не знакома с Ленсу), что в свое время Гр<игорий> Ал<ександрович> Гуковский^{LXXIV} называл ей Ел<ену> Як<овлеву> как любимую свою ученицу (я – ее одноклассник – об этом не знал). Из этого становится понятным, почему Гр<игорий> Ал<ександрович> намеревался из Саратова переехать в Ригу и не один, а вместе с Ленсу (но задержался в Л<енингра>де, и это стало роковым для его судьбы). Но все это уже не имеет отношения к Вл<адимиру> Ив<ановичу>.

Во-вторых, Е. Я. Ленсу 1½ года не заведует кафедрой в пед<агогическом> ин<ститу>те г. Минска; она работает там же, однако в ин<ститу>те усовершенствования учителей. Но может быть, ей было бы приятнее фигурировать (если будете указывать ее «должность») в качестве зав<едующей> каф<едрой> пед<агогического> ин<ститу>та? (Или хотя бы «бывшей» зав<едующей>).

Третье. Дом<ашний> адрес Ел. Як. Ленсу: 220005, Минск, Красная ул., д. 16, кв. 17.

Вл<адими>р Павл<ович>, помимо перечисленных материалов (Е. Я. Ленсу и А. И. Кузьмина) посылаю дополнения к моим воспоминаниям чисто фактического характера, скорее для сведения, нежели для включения в мои воспоминания. <...>

Приветы знакомым!

Ваш В. М.

<Без даты>^{LXXV}

Дорогой Владимир Павлович!

Вот некоторые дополнения-замечания, которые могут быть учтены в моих воспоминаниях (в случае их публикации) в качестве дополнений:

1. Послевоенный адрес Вл<адимира> Ив<ановича>: Ленинград, 126, Боровая ул., д. 11/13, кв. 51. В этой комнате – в комм<унальной> квартире он «принимал» акад<емика> М. Н. Тихомирова^{LXXVI}, как сообщает в своих воспоминаниях о комплектовании собрания Тихомирова^{LXXVII}.

2. В повести А. И. Кузьмина «Паруса, изорванные в клочья» фигурирует еще одно достоверное имя (используется), приписанное хорошему матросу – Сергей Миронов^{LXXVIII} (уникальный специалист по голланд<скому> языку в военно-педагогическом институте, доктор филол<огических> наук).

3. Мих<аил> Ник<олаевич> Яковлев – профессор ЛИФЛИ, ассистент А. С. Орлова и его антагонист в некоторых вопросах др<евне>рус<ской> литературы. Руководил текстологическими занятиями Вл<адимира> Ив<ановича> (вместе с Е. Я. Ленсу).

4. Развернуть характеристику Невской заставы (где жила сестра Вл<адимира> Ив<ановича>) как окраины индустриального города: иллюзия деревни – отвечала ностальгии по деревне. В основном именно здесь жили извозчики, т. е. занятые отхожим промыслом – неким промежуточным этапом по «пути» из деревни в город. Правда, извозчики со своим транспортом селились – встречались и в центре города, напр<имер>, на ул. Ямской – ныне ул. Достоевского. В новом – после Великой Отечественной войны – строительстве подобного «этапа» уже нельзя наблюдать; напротив – полный разрыв с деревней.

5. В период совместной жизни В<ладимира> Ив<ановича> с мамой (т. е. уже на ул. Торжковской – Новоторжковской?) в ж<урнале> «Огонек» появился очерк Бондарчука – хирурга из Петрозаводска, который рассказывал о подпольной работе^{LXXIX}.

<Без даты>

Вступл<ение> к Ленсу.

Занятия практической палеографией (текстологией?) у М. Н. Яковлева, который, как широко известно, далеко не во всем придерживался тех же взглядов, что А. С. Орлов, приучал<и> Вл<адимира> Ив<ановича> один и тот же <...> историко-литературный факт, литерат<урное> произведение прошлого, приучал<и> к мысли о возможности различных трактовок этого факта (произведения) как показатель сложности (противоречивости) этого факта (произведения). А отсюда терпимость к чужим (и чуждым) точкам зрения (при внутренней убежденности в какой-то определенной – своей точке зрения).

Во всяком случае эти занятия не просто давали дополнит<ельные> знания, но и расширяли самый кругозор будущего ученого, заставляли видеть возможность различных трактовок одного и того же явления как отражение многозначности самого этого ист<орико>-лит<ературного> явления.

Вл<адимир> Павл<ович>! Примерно такое вступление, я думаю, необходимо к воспоминаниям Е. Я. Ленсу.

В. М.

<3. По поводу воспоминаний В. И. Малышева об академике М. Н. Тихомирове^{LXXX}>

Воспоминания В<ладимира> И<вановича> об акад<емике> М. Н. Тихомирове^{LXXXI} написаны безыскусственно, с живой интонацией, так присущей разговору В<ладимира> И<вановича>, с бытовыми деталями и с научными археографическими данными (сведениями). Самый объект воспоминаний – покупка М<ихаилом> Н<иколаевичем> коллекции древнерусских рукописей у ленинградского коллекционера^{LXXXII} важна для В<ладимира> И<вановича> потому, что позволяет уточнить происхождение рукописного собрания М<ихаила> Н<иколаевича>, которое было им завещано Сибирскому отделению АН СССР. И В<ладимира> И<вановича> при этом волнует (интересует) не просто классификация рукописных книг в собрании М<ихаила> Н<иколаевича>: откуда и от кого они к нему поступили? <...> За этим стоит очень важная проблема – социальная (а не только литературоведческая, археографическая), поставленная в свое время Н. К. Пиксановым^{LXXXIII}: проблема «литературных гнезд» («очагов»), помимо столиц – С.-П<етер>бурга и Москвы. Эту проблему на своем специфическом материале и решал В<ладимир> Ив<анович>. С этим связано создание им в Древлехранилище «коллекций» по определенным районам («очагам») России: Карельское, Печорское и др.

При этом следует отметить демократическую устремленность поисков В<ладимира> И<вановича>, которые привели его к собиранию крестьянских дневников, воспоминаний, писем, в т<ом> ч<исле> нового и новейшего времени (включая XX век). Надо помнить, что и рукописные книги и непосредственно крестьянские документы – все это свидетельства подлинно народной (в социальном смысле) культуры, просвещенности. И не должно смущать, что подавляющая масса собрания Древлехранилища религиозного содержания. Должно помнить ставшие аксиомой слова Энгельса, что классовая борьба в условиях Средневековья (феодализма) часто проходила в религиозных формах. Именно с этим связан раскол в русской церкви 17 века.

КОММЕНТАРИИ

- ^I Машинопись с правкой шариковой ручкой (2 экз.), всего 15 страниц; в конце текста поставленная рукой В. М. Морозова дата и его подпись.
- ^{II} ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии, лингвистики и истории; организован в 1930 году, состоял из четырех факультетов (отделений): лингвистического, литературного, исторического, философского; в 1937 году вошел в состав Ленинградского государственного университета.
- ^{III} Анатолий Михайлович Кальнер – однокурсник В. М. Морозова по филологическому факультету ЛГУ, учился на немецком отделении.
- ^{IV} Александр Сергеевич Орлов (1871–1947) – исследователь древнерусской литературы, профессор ЛГУ, академик АН СССР (1931), в 1932–1947 годах заведующий Отделом древнерусской литературы ИРЛИ. Василий Васильевич Струве (1889–1965) – историк-востоковед, академик АН СССР (1935). Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) – историк-медиевист, академик АН СССР (1935). Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) – археолог и лингвист, академик АН СССР (1932). Сергей Петрович Обнорский (1888–1962) – лингвист, академик АН СССР (1939). Все эти ученые являлись в 1930-е годы преподавателями ЛИФЛИ.
- ^V Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839).
- ^{VI} Константин Алексеевич Аксентьевский (1890–1941) – советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. С декабря 1934 года занимал руководящие должности в Ухто-Печорском исправительно-трудовом лагере НКВД, в июле 1938 года был арестован по уголовному обвинению и находился в тюремном заключении в Ухтпечлаге до февраля 1939 года; в июле 1939 года дело было прекращено.
- ^{VII} Мария Ивановна Малышева (1912–1960).
- ^{VIII} КСМ – Комсомол (Коммунистический союз молодежи).
- ^{IX} Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) – поэт. Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – писатель. Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) – писатель. Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971) – поэт и журналист. Леонид Максимович Леонов (1899–1994) – писатель (об эпистолярном общении с ним В. И. Малышева см.: [2: 281–284]). Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) – художник.
- ^X Андре Мазон (1881–1967) – французский славист; член Французской Академии (с 1935 года), иностранный член АН СССР (с 1928 года).
- ^{XI} Александр Дмитриевич Чуркин (1903–1971) – поэт, редактор; уроженец Каргопольского уезда Олонецкой губернии, учился в военных учебных заведениях, стихи начал писать в 1920-е годы, первая книга стихов «Выход весны» опубликована в 1931 году, работал в редакции газет и журналов («Резец» и др.), большую часть жизни прожил в Ленинграде.
- ^{XII} Павел Наумович Берков (1896–1969) – доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (1960), специалист в области русской литературы XVIII века, с 1936 года работал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.
- ^{XIII} Алексей Дмитриевич Соймонов (1912–1995) – фольклорист, кандидат филологических наук; выпускник филологического факультета ЛГУ (1939), в 1930-е годы работал в КНИИК, где заведовал сектором фольклора; в 1949–1978 годах работал в Пушкинском Доме в Отделе (секторе) русского фольклора.
- ^{XIV} Михаил Михайлович Михайлов (1908–1941(?)) – фольклорист, выпускник филологического факультета ЛГУ (1940), в КНИИК был принят на работу в 1940 году, но сотрудничал с институтом и в 1930-е годы.
- ^{XV} Виктор Иванович Машезерский (1902–1977) – историк, кандидат исторических наук, в КНИИК (позднее институт вошел в систему АН СССР) в разные годы занимал должности директора, заведующего сектором истории; в 1946–1949 годах являлся научным секретарем Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР.
- ^{XVI} ВКВШ – Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР.
- ^{XVII} Федор Николаевич Свинын (1879–1946) – знаток фольклорной традиции из поморского села Сумский Посад. От Ф. Н. Свинына фольклористами КНИИК в 1930–1940-е годы были записаны сказки, былины, новины, загадки и другие фольклорные тексты (см.: Избранные сказки Ф. Н. Свинына / Подбор текстов, вступ. ст. и коммент. О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко; Подгот. текстов к печати, предисл., науч. ред. А. С. Лызловой. Петрозаводск: Издат-Принт, 2016. 200 с.).
- ^{XVIII} Храмовый комплекс в Сумском Посаде состоял из двух церквей: Успения Богородицы (1690-е годы) и Николая Чудотворца (1765–1767 годы). Им предшествовали более ранние постройки. Под Никольским храмом в усыпальнице находились мощи св. Елисея Сумского. Храмы Сумского Посада были закрыты и сломаны в 1930-е годы.
- ^{XIX} См. в письме В. М. Морозова к В. И. Малышеву от 27 апреля 1974 года: «Тут мне рассказывал врач из Беломорска <...> неприятную историю. Два года назад в Сумский Посад приезжали из Л<енингра>да 4 чел<овека> “бородатых” и за водку (и за деньги) собрали 10 мешков икон и рукописей, и все это отправили в Л<енингра>д. Но кто они – никто не знает. А главное в следующем: они откупили рукописи, которые были в Сумпосадской церкви и которые перед уничтожением церкви забрала женщина (имевшая отношение к церкви – из “двадцатки”?) и все годы книги (возможно, и иконы) хранила. А мы с тобой об этом не знали» [13: 385].
- ^{XX} На Пертозере существовал старообрядческий филипповский скит, основанный в 1830-е годы вдовой прапорщика Анной Карташовой, переехавшей сюда из Петербурга (см.: Рогачев К. Пертозерский раскольничий скит (в Кемском уезде) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 6. 15 марта. С. 12–16). В 1849 году скит был razoren, но через несколько десятилетий возродился и просуществовал до середины XX века; последняя настоятельница скита Марфа Васильевна Позднякова умерла в августе 1958 года.

- xxi Арон Михайлович Морген (1899–?) – проректор по административно-хозяйственной части и директор ЛИФЛИ в 1937–1939 годах (у В. М. Морозова – ошибочно: А. С. Морген). По воспоминаниям А. И. Кузьмина, проректор Морген «с большим сочувствием относился» к выставкам, которые устраивал на факультете В. И. Малышев. Судьба еще раз свела их на фронте: «Шел 1942 год, Малышев командовал ротой на фронте, на Карельском перешейке. К нему прислали для рытья окопов группу красноармейцев из ополчения. Один из них – пожилой, сильно похудевший человек показался знакомым. Он неумело орудовал лопатой и все поглядывал на Малышева.
– Арон Михайлович! – бросился к старому знакомому командир роты.
– Володя!
Малышев оставил его у себя в роте, делился с ним своим офицерским пайком и всем, что имел» (Кузьмин А. И. Наш Володя (машинопись). С. 2 (рукопись находилась в Дрвлекхранилище, в 2022 году передана в РО ИРЛИ, ф. 494)).
- xxii Слово о гибели Русской земли – отрывок произведения о татаро-монгольском нашествии, сохранившийся в двух списках. Один из списков Слова был найден В. И. Малышевым в 1945 году в библиотеке рижской Гребеншиковской старообрядческой общины (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 26).
- xxiii В 1954 году из Карело-Финской базы АН СССР в ИРЛИ было передано собрание рукописей и старопечатных книг (всего 373), найденных преимущественно самим В. И. Малышевым в 1940, 1941 и 1946 годах на территории Карелии и составивших основу Карельского собрания Дрвлекхранилища Пушкинского Дома.
- xxiv Василий Васильевич Голицын (1643–1714) – дипломат, государственный деятель, фаворит царевны Софьи Алексеевны. В 1689 году был лишен боярских чинов и имений. Скончался после почти 25 лет ссылки в Великопинежской волости Архангельской губернии; похоронен в Красногорском монастыре.
- xxv В XIX веке Евангелие находилось в библиотеке Спасо-Преображенского монастыря (Строкиной пустыни) в Каргополе, в начале XX века – в дрвлекхранилище при Братском Назарьевском доме в Петрозаводске. После Второй мировой войны оно оказалось в Петрозаводском государственном университете, откуда в 1954 году поступило в Дрвлекхранилище Пушкинского Дома (Карельское собрание, № 241, XVII век, в лист, 486 л., полуустав).
- xxvi Лев Александрович Дмитриев (1921–1993) – доктор филологических наук, историк древнерусской литературы; сотрудник Пушкинского Дома (1953–1993), член-корреспондент АН СССР (1984).
- xxvii Николай Николаевич Покровский (1930–2013) – доктор исторических наук, профессор, академик РАН (1992), создатель новосибирской археографической школы. В. М. Морозов цитирует статью [14].
- xxviii Михаил Алексеевич Лаврентьев (1900–1980) – доктор технических и доктор физико-математических наук, основатель Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского Академгородка, академик АН СССР (1946), вице-президент АН СССР (1957–1976). Алексей Павлович Окладников (1908–1981) – доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР (1968), археолог, этнограф.
- xxix Елена Ивановна Дергачева-Скоп (1937–2022) – доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, специалист в области древнерусской литературы и археографии. Елена Константиновна Ромодановская (1937–2013) – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (1991), директор Института филологии Сибирского отделения РАН (1998–2012), специалист в области древнерусской литературы и археографии.
- xxx Александр Иванович Кузьмин (1916–2010) – доктор филологических наук, выпускник филологического факультета ЛГУ, музейный работник, в 1963–1986 годах работал в Институте мировой литературы РАН, писатель, близкий друг В. И. Малышева со студенческих лет, автор воспоминаний о нем – «Наш Володя».
- xxxi По мнению В. М. Морозова, А. И. Кузьмин намекал на Ивана Михайловича Губарева (см.: [13: 375–376]). И. М. Губарев (1917–?) – выпускник филологического факультета ЛГУ (1941), специалист по творчеству Н. В. Гоголя. Согласно письмам В. М. Морозова к В. И. Малышеву, И. М. Губарев совершил в молодости какой-то непорядочный поступок по отношению к А. И. Кузьмину [13: 368]. В 1959 году И. М. Губарев прошел по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры литературы Петрозаводского государственного университета, опередив по баллам уже работавшего в этой должности В. М. Морозова. Последний временно остался без работы, а И. М. Губарев проработал в Петрозаводском университете до 1964 года, после чего уехал из Петрозаводска. В дополнениях к своим воспоминаниям В. М. Морозов указывает прообраз еще одного персонажа повести А. И. Кузьмина – матроса Миронова (см. ниже).
- xxxii Михаил Павлович Алексеев (1896–1981) – доктор филологических наук, академик АН СССР (1958), сотрудник ИРЛИ (1934–1941, 1942–1981), специалист по творчеству А. С. Пушкина.
- xxxiii Марк Константинович Азадовский (1888–1954) – доктор общественных наук по разделу литературоведения, фольклорист, в разные годы преподавал в Иркутском, Томском, Ленинградском университетах, в 1938–1949 годах работал в Пушкинском Доме. Молодые фольклористы (М. М. Михайлов, А. Д. Соймов, Н. В. Новиков и др.), работавшие с конца 1930-х годов в КНИИК или сотрудничавшие с ним, являлись его учениками (см.: [4: 478–479]).
- xxxiv Николай Владимирович Новиков (1911–1997) – доктор филологических наук, фольклорист; в 1953–1967 годах работал в Пушкинском Доме. С В. И. Малышевым и В. М. Морозовым он был знаком со времени обучения на филологическом факультете ЛГУ, который окончил в 1940 году.
- xxxv Рукопись, 7 сложенных пополам листов, черная шариковая ручка; включает выписки из двух писем – 1) А. Я. Скиру и его жене Т. М. Луценко и 2) Е. Я. Ленсу.
- xxxvi Арон Яковлевич Скир (1913–1996) – филолог, выпускник филологического факультета Ленинградского университета, преподаватель в Архангельском (1940) и Минском (с 1945 года) педагогических институтах,

- Минском институте иностранных языков (1948–1980); Татьяна Михайловна Луценко (1918–2005) – филолог, преподаватель зарубежной литературы в педагогических институтах Архангельска (1940–1942), Рязани (1942–1947), Минска (1948–1996), жена А. Я. Скира.
- xxxvii Первые «Малышевские чтения» состоялись 25 апреля 1977 года. Со вступительным словом должен был выступить Д. С. Лихачев. Вечернее заседание было отведено воспоминаниям о В. И. Малышеве. Согласно программе Чтений, в числе выступавших с воспоминаниями были Л. М. Лотман, В. М. Морозов, В. Г. Базанов, А. Х. Горфункель и Н. С. Демкова.
- xxxviii В 1932 году В. М. Морозов попал под трамвай, в результате чего у него была частично ампутирована правая нога; он ходил на костылях.
- xxxix Василий Григорьевич Базанов (1911–1981) – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1962), литературовед, фольклорист; в 1930–1950-е годы работал в Петрозаводске в местных вузах и в академическом институте; сотрудник (1945–1981) и директор (1965–1975) Пушкинского Дома.
- xl Елена Яковлевна Ленсу (1914–2005) – литературовед, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького.
- xli Марфа Ивановна Малова (1907–1978) – литературовед-архивист, научный сотрудник Пушкинского Дома (1934–1941, 1945–1978); Галина Николаевна Моисеева (1922–1993) – доктор филологических наук, литературовед, специалист по истории древнерусской литературы и литературы XVIII века, научный сотрудник Пушкинского Дома (1952–1993); Иван Никифорович Заволоко (1897–1984) – старообрядческий деятель, проживавший в Риге, историк старообрядчества, краевед.
- xl.ii Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Отв. ред. В. И. Малышев. Л.: Наука, 1975. XIV, 263 с., 193 л.: фототипическое воспроизведение текста.
- xl.iii Александр Ильич Копанев (1915–1990) – доктор исторических наук, археограф; заведующий Отделом рукописей Библиотеки Академии наук СССР.
- xl.iiii Николай Ильич Ченцов (1905–?) – однокурсник В. М. Морозова по ЛГУ.
- xl.v Сарра Мироновна Зеликина (1915–2004) – кандидат биологических наук, работала в Алма-Ате и в Петрозаводске, жена В. М. Морозова.
- xl.vi На первых «Малышевских чтениях» 25 апреля 1977 года А. М. Панченко выступил с докладом «Владимир Иванович Малышев как собиратель древнерусских рукописей». Позднее некоторые свои мысли, прозвучавшие в докладе, А. М. Панченко повторил в статьях о В. И. Малышеве. Так, в одной из статей он писал: «Книга, как таковая, текст, как таковой, не представляли для В. И. Малышева исключительно самодовлеющего интереса. Его всегда занимало то, что лежит “за текстом”, “за книгой”, его занимали авторы, редакторы, писцы, владельцы, читатели. Общение с книгой было для него прежде всего общением с людьми, которых эта книга объединила вокруг себя. Археографические проблемы он решал как проблемы человеческого общения» [10: 215].
- xl.vii Ср.: «В 1960 г. Малышев воззвал к общественному мнению – выступил в “Советской России” с письмом “Сохранить память о Пустозерске”. Он писал об этом и в других газетах, сам заказал проект монумента, придумал надпись, участвовал в строительных работах, – а летом 1964 г. памятник был открыт. На этом Малышев не успокоился и спустя пять лет добился того, что одно из судов нашего торгового флота было названо “Пустозерск”» [11: 273].
- xl.viii Дмитрий Анатольевич Жуков (1927–2015) – писатель, литературовед, переводчик; автор повести о В. И. Малышеве «Владимир Иванович» (1978).
- xl.ix Оба письма – Д. А. Жукова к В. М. Морозову и ответное – сохранились. Письмо Жукова – без даты, до 26 февраля 1977 года; письмо Морозова (черновик) – от 26 февраля 1977 года.
- l В. М. Морозов имеет в виду писателя Сергея Владимировича Михалкова (1913–2009).
- li Владимир Павлович Бударагин (р. 1945) – филолог-славист, археограф, поэт, переводчик; сотрудник Пушкинского Дома (1968–1969; с 1971 года по настоящее время).
- lii Наталья Сергеевна Демкова (Сарафанова) (1932–2018) – доктор филологических наук, профессор ЛГУ, исследователь древнерусской литературы, археограф, сотрудница Пушкинского Дома (1958–1964).
- liii Мария Ивановна Привалова (1911–1993) – кандидат филологических наук, лингвист, доцент кафедры русского языка филологического факультета ЛГУ, преподавала в 1948–1976 годах.
- liv Речь идет об издании [3].
- lv Об этом происшествии см. также в письме А. Х. Горфункеля к В. М. Морозову от 12 ноября 1978 года.
- lvi Свои впечатления от встречи с Д. А. Жуковым на «Малышевских чтениях» 1977 года В. М. Морозов изложил также в письме к Л. А. Дмитриеву от 12 ноября 1978 года.
- lvii Вероятно, речь идет об издании: Жуков Д. А. Огнепальный. М.: Молодая гвардия, 1979. 431 с.
- lviii Энгельс Васильевич Козлов (1926–2007) – художник, портретист; уроженец с. Троицко-Печорск Коми АССР. Портрет В. И. Малышева был написан им в 1972 году, принадлежит Пушкинскому Дому. В упомянутом журнале «Художник» опубликована репродукция портрета на цветной вклейке, она служит иллюстрацией к статье о творчестве Э. В. Козлова: Губарев А. Размышления о человеке и природе // Художник. 1977. № 3. С. 19–22.
- lix Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома: Буклет / [Изд. подгот. В. И. Малышев]. Л.: Наука, 1971. 6 с.
- lx Рисунок протопопа Аввакума находится в Пустозерском сборнике Заволоко (ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, оп. 24, № 43, л. 2).

- LXI В. М. Морозов проживал в Петрозаводске в доме № 33б на проспекте Ленина. Дом находится рядом с Петрозаводским университетом, в нем жили многие университетские преподаватели.
- LXII Рукопись реставрировалась в период со 2 февраля по 2 июля 1976 года. По сведениям В. П. Бударagina, реставрационные работы осуществлялись в Лаборатории консервации и реставрации документов Ленинградского филиала Архива АН.
- LXIII Переписка В. П. Бударagina и В. М. Морозова включает 5 писем В. П. Бударagina (6 апреля 1977, 10 апреля 1978, 2 октября 1978, 24 октября 1978, 13 мая 1980) и 6 писем В. М. Морозова (25 января 1978, 21 октября 1978, 18 октября 1980 – письмо в черновике и беловике (фрагмент), 15/16 октября 1981, два письма без даты).
- LXIV В. М. Морозов имеет в виду свои воспоминания о В. И. Малышеве, завершённые 10 июня 1978 года и высланные В. П. Бударaginaу.
- LXV Лошиц Ю. Эта необычная жизнь... // Комсомольская правда (газета). 1978. 10 августа. С. 4.
- LXVI Коробов В. Подвижничество ученого // Литературная Россия (газета). 1978. № 37 (15 сент.). С. 15.
- LXVII Осетров Е. Повесть о собирателе // Литературная газета. 1978. № 41 (11 окт.). С. 4.
- LXVIII Моисей Михайлович Гин (1919–1984) – доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета, специалист по творчеству Н. А. Некрасова.
- LXIX По-видимому, речь идет о Михаиле Алексеевиче Яковлеве (1886–1962) – исследователе древнерусской литературы, театроведе и историке балета. В 1930–1937 годах он был доцентом ЛИФЛИ, где обучался В. И. Малышев. Е. Я. Ленсу и вслед за ней В. М. Морозов называют его «Николаевичем», но, скорее всего, это ошибка.
- LXX В материалах В. М. Морозова сохранился текст этих воспоминаний – автограф (?) Е. Я. Ленсу (2 листа):
«Владимир Иванович Малышев был старше нас на один курс. Мое знакомство с ним состоялось осенью 1935 года на квартире профессора Яковлева М. Н.
М. Н. Яковлев вел у нас семинар по древнерусской литературе и однажды пригласил к себе для знакомства с древними рукописями, находившимися в его личной библиотеке. И вот несколько вечеров, приходя к М. Н. Яковлеву, я заставала там Володю Малышева. Мы вдвоем сидели в разных концах большой комнаты, каждый занимался своим делом. Откровенно сказать, я томилась над “Вертоградом многоцветным” Симеона Полоцкого, не зная, что мне с ним делать. Для студентки первого курса, мало знакомой с культурой и жизнью Древней Руси, книга древнего поэта оказалась за семью печатями. И потому я часто с искренней завистью поглядывала на Володю Малышева, который работал сосредоточенно и самозабвенно.
После занятий жена профессора приглашала нас пить чай с домашними очень вкусными слоеными пирожками. Мы оба очень стеснялись, но, видимо, отказать себе не могли.
Потом, молча проделав путь от дверей квартиры М. Н. Яковлева до улицы, вежливо прощались и расходились в разные стороны. Володя Малышев был замкнут и молчалив. Но все его поведение во время этих семинарских занятий, его отношение к книгам, которые он изучал, не могло не внушать к этому человеку глубокого уважения.
Доцент кафедры русской и зарубежной литературы Минского государственного педагогического института им. А. М. Горького Ленсу Елена Яковлевна. Ленинградский университет окончила в 1940 г., а с 1940 по 1943 была аспиранткой кафедры русской литературы».
На обороте л. 2 рукой В. М. Морозова написан адрес Е. Я. Ленсу в Минске и сделана приписка для В. П. Бударagina: «Сейчас она не работает в пед<а>гогическом институте, поэтому и подпись (здесь) со ссылкой на место работы должна измениться. Запросите ее! <...> В. М.».
- LXXI «Как-то, – писал А. И. Кузьмин в воспоминаниях “Наш Володя”, – в факультетской стенгазете появилось стихотворение, пародирующее “Лесной царь” Гёте:
Кто скачет, кто мчится по разным пивным,
То Малышев пьяный, вдвоем с Кузьминым.
Володю качает от водок и вин,
Прижав его, держит и греет Кузьмин...» (С. 3).
- LXXII Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1919–1990) – доктор филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии ЛГУ, специалист в области шведского языка. Ее старшая сестра Мария Семеновна Лев несколько десятков лет работала секретарем деканата филологического факультета ЛГУ.
- LXXIII Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990) – доктор филологических наук, литературовед, мемуарист; в 1947–1950 годах работала в Карело-Финском государственном университете, позднее состояла с В. М. Морозовым в переписке.
- LXXIV Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) – доктор филологических наук, профессор ЛГУ, литературовед, критик; сотрудник Пушкинского Дома (1929–1932, 1934–1941, 1946–1949).
- LXXV Возможно, этот текст был приложен к письму от 18 октября 1980 года. Те же пять кратких дополнений к воспоминаниям, но изложенных несколько иначе В. М. Морозов отправил В. П. Бударaginaу в письме от 15/16 октября 1981 года.
- LXXVI Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965) – доктор исторических наук, источниковед, академик АН СССР (1953).
- LXXVII См. в воспоминаниях В. И. Малышева: «В середине марта 1956 г. мне сообщили, что М. Н. Тихомиров и его ученик Александр Николаевич Мальцев собираются в ближайшие дни приехать за рукописями В. Ф. Груз-

- дева. А через два или три дня я уже встречал их на Московском вокзале. С вокзала мы поехали прямо ко мне, на Боровую улицу, д. 11. Наскоро попив по-холостячки чайку (все трое мы были холостяками), обменявшись новостями и поговорив о предстоящей работе, мы направились к В. Ф. Груздеву на работу в клинику глазных болезней Военно-Морской медицинской академии...» [9: 399].
- LXXVШ Сергей Александрович Миронов (1910–1998) – специалист по германскому языкознанию; выпускник немецкого отделения филологического факультета ЛГУ (1937), кандидат филологических наук (1940), сотрудник Военного института иностранных языков (1945–1953), старший научный сотрудник Сектора германских языков Института языкознания АН СССР (с 1956).
- LXXIX Текст явно не дописан. В письме к В. П. Бударагину от 15/16 октября 1981 года этот пункт изложен следующим образом: «Поиски единокровного брата, погибшего во время Вел<икой> Отеч<ественной> войны. Через врача Бондарчука, опубликовавшего в “Огоньке” очерк о подпольной работе в одном из немецких концентр<ационных> лагерей, среди участников подпольной группы был назван Малышев, но он оказался (как я установил у Бондарчука) лишь однофамильцем. Особенно заинтересована в отыскании сына мама Вл<адимира> Ив<ановича>». См. об этих поисках выше в тексте статьи.
- LXXX Без даты (не ранее 10 июня 1978 года), 3 л., шариковая ручка (черная паста). Вероятно, материал также предназначался для В. П. Бударагина.
- LXXXI В. М. Морозов имеет в виду публикацию [9].
- LXXXII После этого слова стоит ряд точек: вероятно, В. М. Морозов хотел позднее вписать фамилию коллекционера. Этим ленинградским коллекционером является Виталий Феофанович Груздев – кандидат медицинских наук, доцент, полковник медицинской службы.
- LXXXIII Николай Кирьякович Пиксанов (1878–1969) – доктор филологических наук, литературовед, член-корреспондент АН СССР (1931), сотрудник Пушкинского Дома (1932–1942, 1948–1954). Проблема «культурных гнезд» была разработана Н. К. Пиксановым в ряде его работ начиная с 1910–1920-х годов (см., например: Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 148 с.). В. М. Морозов поддерживал связи с Н. К. Пиксановым, состоял с ним в переписке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобков Е. А. О некоторых московских корреспондентах В. И. Малышева // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 278–280.
2. Гречишкин С. С., Маркелов Г. В. I. В. И. Малышев в переписке с русскими советскими писателями; II. В. И. Малышев в переписке с деятелями советской культуры // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 281–298.
3. Жуков Д. А., Пушкирев Л. Н. Русские писатели XVII века. М.: Молодая гвардия, 1972. 366 с.
4. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 800 с.
5. Лихачев Д. С. Немного о Владимире Ивановиче Малышеве (Вступительное слово к «Малышевским чтениям» 3 мая 1978 г.) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 262–264.
6. Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа. Избранное: Эссе, очерки, статьи. Петрозаводск: Версо, 2020. 199 с.
7. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2007. 313 с.
8. Мелышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. Т. 5. С. 149–158.
9. Малышев В. И. Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 395–401.
10. Панченко А. М. В. И. Малышев как археограф // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. С. 214–218.
11. Панченко А. М. О Владимире Ивановиче Малышеве // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1985. С. 265–276.
12. Пигин А. В. Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлехранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 231–249.
13. Пигин А. В. Переписка Владимира Ивановича Малышева и Виктора Михайловича Морозова // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2022. Т. 10. С. 353–405. DOI: 10.31860/978-5-94668-365-4-353-40
14. Покровский Н. Н. «Книга глаголемая»: (записки из археографических экспедиций) // Знание – сила. 1973. № 3. С. 36–40.
15. Творогов О. В. В. И. Малышев – хранитель рукописей // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 272–273.
16. Тунгусов А. А. В. И. Малышев в Пустозерске // Древлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1990. С. 274–277.

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom) (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

MEMORIES OF V. M. MOROZOV ABOUT V. I. MALYSHEV

Abstract. The paper addresses the history of friendly relations between a Petrozavodsk philologist V. M. Morozov (1910–1983) and V. I. Malyshev (1910–1976), a famous archaeographer and the creator of the Ancient Manuscripts Repository (*Drevlekhranilishche*) at the Pushkin House (Pushkinskij Dom). They met while studying at the Philological Faculty of Leningrad University in the 1930s and kept in touch for many decades until Malyshev's death. Morozov was a member of Malyshev's first archaeological expedition to Karelia in 1940, while Malyshev repeatedly helped his friend in difficult life circumstances. After the death of Malyshev, Morozov wrote memoirs about him. Reminiscences about Malyshev can also be found in Morozov's letters to his friends and colleagues. This set of documents is now stored as part of Malyshev's archives in the Manuscripts Department of the Pushkin House (collection 494). Morozov provided interesting biographical information about Malyshev and made an attempt to assess his personality and research activity. These sources can be used for studying the history of Russian philological science of the 1930s–1970s. The memoirs were written with the intention to publish them, but it did not happen at the time, and now these materials are presented to the public for the first time. The memoirs and additions to them are accompanied by commentaries.

Keywords: V. I. Malyshev, V. M. Morozov, memoirs, letters, biography, archaeography, Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House

Acknowledgements. The research was conducted as part of the state assignment No 0186-2019-0002 given to the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskij Dom). The author expresses his sincere gratitude to E. V. Morozov for his permission to publish the archival materials of his father and to E. D. Konusova for pointing to V. M. Morozov's materials about V. I. Malyshev in the Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House and for her help with compiling the comments thereon for this publication.

For citation: Pigin, A. V. Memories of V. M. Morozov about V. I. Malyshev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):69–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.888

REFERENCES

- Bobkov, E. A. Some Moscow correspondents of V. I. Malyshev. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 278–280. (In Russ.)
- Grechishkin, S. S., Markelov, G. V. I. V. I. Malyshev's correspondence with Russian Soviet writers; II. V. I. Malyshev's correspondence with figures of Soviet culture. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 281–298. (In Russ.)
- Zhukov, D. A., Pushkarev, L. N. Russian writers of the XVII century. Moscow, 1972. 366 p. (In Russ.)
- Ivanova, T. G. History of Russian folklore studies of the XX century: 1900 – the first half of 1941. St. Petersburg, 2009. 800 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Briefly about Vladimir Ivanovich Malyshev (Opening address at the Malyshev Readings on May 3, 1978). *Ancient Russian book-writing: Materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1985. P. 262–264. (In Russ.)
- Loyter, S. M. From Pudozh to Paris. Selected publications: Essays and articles. Petrozavodsk, 2020. 199 p. (In Russ.)
- Lupanova, I. P. “The past passes before me...” A book about experience. Petrozavodsk, 2007. 313 p. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. Notes on the manuscripts collections of Petrozavodsk and Tobolsk. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 149–158. (In Russ.)
- Malyshev, V. I. One important source of the Tikhomirov's collection (A page of memoirs). *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Leningrad, 1977. Vol. 32. P. 395–401. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. V. I. Malyshev as an archaeographer. *Archaeographic yearbook for 1977*. Moscow, 1978. P. 214–218. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. About Vladimir Ivanovich Malyshev. *Ancient Russian book-writing: Materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1985. P. 265–276. (In Russ.)
- Pigin, A. V. About V. I. Malyshev's archeographic work in Karelia: The history of the Karelian collection of the Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House. *Literature and history in archaeographic context: Collection of research papers*. Novosibirsk, 2022. P. 231–249. (In Russ.)
- Pigin, A. V. Correspondence between Vladimir Ivanovich Malyshev and Viktor Mikhailovich Morozov. *Text and tradition: Almanac*. Saint Petersburg, 2022. Vol. 10. P. 353–405. DOI: 10.31860/978-5-94668-365-4-353-40 (In Russ.)
- Pokrovsky, N. N. “Kniga glagolemaya”: (notes from archaeological expeditions). *Znanie – sila*. 1973; 3:36–40. (In Russ.)
- Tvorogov, O. V. V. I. Malyshev – curator of manuscripts. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 272–273. (In Russ.)
- Tungusov, A. A. V. I. Malyshev in Pustozersk. *Ancient Manuscripts Repository of the Pushkin House: Materials and studies*. Leningrad, 1990. P. 274–277. (In Russ.)

Received: 9 January 2023; accepted: 27 February 2023